

АВТОБИОГРАФ & Я

Автобиографическая повесть о долгах, вере и втором шансе, который стал бизнес-моделью

2025 г. Прощенко И. П.

ПРОЛОГ: ДВА ПЛАНА — БОЖИЙ И МОЙ

Иногда кажется, что жизнь — это поезд, который мчится без остановок. Ты сидишь у окна, смотришь на мелькающие пейзажи, пьешь кофе из пластикового стаканчика и думаешь: «А где, собственно, моя станция?»

Моя станция называлась «Дно».

Я вышел там в пятьдесят два года, с чемоданом долгов, килограммами лишнего веса и душой, похожей на выжженное поле. Сегодня, спустя годы, я управляю проектом с потенциальным оборотом в триллион рублей. А в тот день, когда я допил свой последний стаканчик кофе в плацкарте с билетом в никуда, я торговал на «Авито» последний диван, чтобы купить еду детям.

Между этими двумя точками — пропасть. Пропасть, которую заполнили два плана: Божий и мой. Первый — незримый, написанный в сердце, давший цель. Второй — осязаемый, на бумаге, с цифрами и сроками, давший инструмент. Бизнес-план «Ярмарки недвижимости».

Но всё по порядку.

Меня зовут Николай. Я был тем, кого называют «успешным бизнесменом». А ещё — грешником, отступником, предателем. Я отрекался от Бога в храме, предавал партнёров, лгал жене и самому себе. Я думал, что счастье — это цифры на

банковском счете. Оказалось, счастье — это когда ты можешь спокойно посмотреть в зеркало утром.

Я пишу эту исповедь-инструкцию по выживанию с тремя целями. Во-первых, показать, как программа 12 шагов Анонимных Алкоголиков стала для меня не просто способом не пить вот уже 14 лет и 6 месяцев, а операционной системой для новой жизни. Во-вторых, засвидетельствовать простую и страшную правду: благодать — не абстракция, а реальная сила, которая меняет маршрут поезда, если ты наконец решаешься крикнуть: «Стой! Я сойду!». И в-третьих — дать надежду. Каждому, кто, как я когда-то, считает себя окончательным банкротом — и в делах, и в душе.

Жизнь не ломается сразу. Сначала появляются трещины.

Первая нечестная сделка, которую ты оправдываешь «суровой реальностью». Первый пропущенный день рождения дочери, потому что «очень важные переговоры». Первая мысль: «Бог простит», брошенная в оправдание своему малодушию. Я годами замазывал эти трещины деньгами, высокомерием, статусными вещами, пока однажды не рухнул внутрь собственной пустоты. Долги, вес под сто двадцать килограммов, семья, смотрящая на меня как на инопланетянина.

Эта история — не просто исповедь. Это путь через ад самообмана к простой, почти детской, истине: быть человеком — уже подвиг. Я расскажу её так, как было: без прикрас, но с той самой самоиронией, которая, наверное, и спасла меня от окончательного падения.

Как говаривал мой друг, тоже, кстати, большой грешник: «Если не смеяться над собой, заплачешь чужими слезами». Так что смеяться будем. Иногда — сквозь слёзы. А иногда — сквозь цифры бизнес-плана, который стал для меня молитвенником.

Потому что оказалось, что служить людям можно не только в храме. Иногда для этого нужно всего лишь создать место, где человек найдёт свой дом. И начать, как всегда, с одного маленького дела. Например, прийти на исповедь. Или написать первое письмо. Или просто — спилить ту самую ветку.

ГЛАВА 1. КАБИНЕТ, ГДЕ ПАХЛО КОФЕ, СТРАХОМ И НАЧИНАЮЩЕЙСЯ НАДЕЖДОЙ

Путь к кабинету Оксаны в тот осенний день был для меня отдельным испытанием. Я ехал на своей старенькой иномарке, купленной за гроши у такого же «бывшего», и видел за окном серую Москву. Люди спешили по своим делам, маленькие и озабоченные, как муравьи. Я завидовал их уверенности. Они знали, куда идут. Я ехал «к психологу» — последнее прибежище неудачников, как я сам цинично думал. Руки потели, ладонь скользила по рулю. В груди — знакомая каменная тяжесть, будто я везу с собой не своё тело, а мешок с мокрым песком. Мешок, который я таскал годами и который называл «жизнью».

«Зачем? — стучала в висках мысль. — Опять платить деньги, чтобы тебе сказали, что ты — говно? Ты и сам это знаешь. Лучше бы эти деньги отдать очередному коллектору, хоть на час отстанут».

Но я ехал. Потому что отступить было некуда. Потому что дочь перестала брать трубку. Потому что жена смотрела сквозь меня. Потому что вчера, глядя на себя в зеркало ванной, я впервые подумал не «какой же ты толстый урод», а «какой же ты... ненужный». И это было страшнее.

Кабинет Оксаны был таким, каким, наверное, и должен быть кабинет хорошего психолога: минималистичным, светлым и немного отстранённым, как лицо опытного врача. Стекланный стол, два эргономичных кресла цвета слоновой кости, на стене — абстрактная картина в серо-голубых тонах, напоминающая то ли шторм в океане, то ли хаос в чьей-то душе. Главным украшением служило огромное окно во всю стену, за которым копошился осенний московский день.

Но первое, что я почувствовал, переступив порог, был не свет и не порядок. Это была тишина. Глубокая, намеренная, почти осязаемая тишина, в которой мой внутренний гул отчаяния и самооправданий стал слышен особенно отчётливо. И запах. Тонкий аромат дорогого зернового кофе и чего-то ещё, неуловимого — возможно, той самой надежды, которую приносили сюда такие, как я.

Из колонок лилась песня отца Олега Скобли «Знаю». Голос был тихим, чуть хрипловатым, и слова о вере и прощении били прямо в цель, в ту самую заброшенную, заросшую бурьяном часть души.

— Здравствуйте, Оксана. Рад видеть, — мой голос прозвучал немного хрипло после подъёма по лестнице. Я решил не пользоваться лифтом — маленькая победа над собственным обжорством. — А это что за песня? Пока поднимался, зацепила. Не ожидал тут услышать.

Оксана, не выключая музыку, повернулась от столика с чашками. Она была в своём фирменном сером костюме, подчеркивавшем стройную фигуру. Стильное каре обрамляло умное, спокойное лицо с тёплыми, но внимательными глазами. В сорок пять она выглядела так, будто знала о жизни всё, но не спешила выносить приговор. Её взгляд был сканером, но без луча осуждения.

— Добрый день, Николай. Как настроение? Чай или кофе? — её улыбка была профессиональной, но не холодной. — Священник-пациент подарил диск. Иногда слушаю. Помогает настроиться на работу. На душевный лад.

— Кофе, с удовольствием. Позвольте самому? Я уже научился варить так, что даже бариста в соседней кофейне завидует, — пошутил я, направляясь к хромированной кофемашине. Моя шутка повисла в воздухе, слегка неуместная, как клоун на похоронах. Самоирония — мой щит. Всегда был. Спасал, когда боялся, что меня раскусят.

Я налил себе чёрного, без сахара. Ещё одно маленькое правило нового, пока нестройного бытия. Рука дрогнула, и кофе расплескался на идеально чистом стекле стола. Я смущённо вытер его рукавом пиджака.

— Священник... — пробормотал я, глядя на струйку пара, пытаюсь собраться. — У меня в «анонимных алкоголиках» тоже появился подопечный священник. Весьма успешный, кстати, в миру. Перед болезнью все равны. Перед падением — тем более.

Оксана кивнула, взяла свою чашку — зелёный фарфор с тонким рисунком — и села в своё кресло. Она не спешила. Она умела ждать. В этой её способности молчать и

было, наверное, главное лекарство. Она давала пространство для правды, чтобы ей не было тесно и некуда было спрятаться.

— Вы правы. Ну что ж, как и договаривались, сегодня наша последняя сессия. За два года вы прошли огромный путь. Применяете матрицу Эйзенхауэра, создали «штаб Уолта Диснея» для генерации идей, знаете свои ограничения... Всё налаживается. Сегодня вы формулируете итоговый запрос, мы над ним поработаем и сделаем перерыв. Это важно — отойти и прожить всё самостоятельно.

Я поставил чашку, чувствуя, как её гладкая поверхность отдаёт тепло в ладони. Потом опустил в кресло напротив. Оно приняло мою немаленькую массу с тихим шорохом. Я посмотрел прямо на Оксану. Прямота — то, чему я научился здесь. Дорогой ценой. Ценой слёз, стыда и первых, робких проблесков облегчения.

— Спасибо. Изменения и правда глобальные. Жена перестала смотреть на меня, как на инопланетянина. Дочь разрешила видеться с внуками без надзора. Долги... ну, долги остались. Но я перестал их бояться. Я даже начал... — я запнулся, — начал видеть в них не приговор, а список задач. Странно, да?

— Не странно. Это и есть взросление. Принятие ответственности без драмы, — мягко сказала она.

— А сегодняшний запрос... — я сделал паузу, ловя нужные слова. Они были тяжёлыми, как булыжники. — Возможно, самый важный. Речь об отречении от Бога и Его наказании. О том, почему всё, за что я берусь, рушится. Почему я дико боюсь успеха своей новой идеи.

В кабинете повисла тишина, которую стало слышно особенно отчётливо на фоне тихо звучавшей музыки. Оксана медленно поставила свою чашку. Её лицо не выразило удивления, лишь глубокая сосредоточенность.

— Неожиданно, но закономерно. Что привело вас к этому? — её голос был мягким, но в нём чувствовалась стальная нить вопроса.

Я потянулся к своему потрёпанному кожаному портфелю, тому самому, что сопровождал меня ещё в «жирные» годы. Извлёк пачку листов, исписанных неровным, нервным почерком. Бумага была простая, офисная, но для меня она весила тонны.

— Ваше последнее задание. Письма... от руки. Вы сказали: «Пишите всё, что приходит в голову. Без цензуры». Стали всплывать воспоминания. Вытесненные, забытые, похороненные за ненадобностью. Как трупы в подвале. Вдруг показалось, я начинаю понимать, что со мной не так. Корень всего. Страх не просто неудачи. Страх Божьей кары.

— Вы хотите разобрать ваше отречение от Бога? — уточнила она.

— Да. Мне трижды предлагали рукополагаться в диаконы. В разные годы, в разных местах. Я отказался. Каждый раз находил благовидную причину: бизнес, семья, неготовность. А однажды... однажды отрёкся при всех в храме. Публично, громко, с вызовом. И часто предавал партнёров. Подводил тех, кто верил. Боюсь, что Бог меня наказывает. Не молнией с небес, нет. Медленным, изошрённым кипением в собственном соку. Я принёс первые письма. Хочу зачитать. Вы можете меня останавливать. Если... если станет невыносимо.

Оксана отодвинула в сторону свой изящный блокнот. Её поза выражала полную, безраздельную готовность слушать. Она была как чистый экран, на который я мог спроецировать свою грязь.

— Я готова, Николай. Но сначала — о какой новой идее вы говорите? Что это за проект, которого вы боитесь?

Я вздохнул. Это было легче, чем говорить о Боге.

— Ярмарка. «Ярмарка недвижимости». Идея — собрать весь рынок одного города в одном физическом месте. Все предложения, всех риелторов, все документы. Чтобы человек пришёл и за день, за час, увидел всё, что есть, а не рыскал три месяца по сайтам. Чтобы не было обмана. Прямой контакт, юридическое сопровождение. Я называю это «логикой вместо хаоса».

— И в чём же страх? — спросила она.

— Он успешен! — вырвалось у меня. — Пилот в подмосковном Чехове... цифры говорят сами за себя. Окупаемость 6-12 месяцев. Потенциал — тысячи таких точек по стране. Это же... это же чудо! А я боюсь, что как только я в это поверю, как только скажу «да, это моё», Бог всё отнимет. Потому что я — отступник. Потому что я не заслуживаю. Потому что я однажды уже продал душу за «успех», и теперь любой успех для меня — лишь напоминание о той сделке.

Я развернул первый лист. Бумага была простой, офисной, но слова на ней казались выжженными. Свет от торшера упал на текст, сделав его чуть ярче, как будто подсветив прошлое.

Мой голос вначале был ровным, дикторским. Я старался читать, как сторонний наблюдатель.

«Господи, пишу Тебе, чтобы не сойти с ума. От страха. Страх не успеть...»

Но уже через несколько предложений ровность дала трещину. Голос сорвался, стал ниже, проникнутой той самой горечью, которую я годами прятал под маской цинизма.

«Ты же сказал: что посеешь — то и пожнешь. А я сеял зло. Я отнимал у Твоих детей деньги, репутацию, надежду... Интриговал. Клеветал. Подставлял. Ты всё это знаешь... В девяносто третьем я оставил семью без копейки, увёз общие деньги в другой город, чтобы «раскрутиться». Раскрутился. На крови. Помнишь того парня, Сашку-риелтора? Он мне помог, когда я был в полной жопе. А когда он попал в беду, я сделал вид, что не получил его звонков. Просто стёр номер. Где он теперь? На дне? И таких — десятки. Я — коллектор доверия. Я забирал его у людей и не возвращал.»

Я замолчал, глотая ком в горле. В кабинете было тихо. Даже музыка словно притихла.

— Николай, — мягко, но чётко произнесла Оксана. — Что вы чувствуете сейчас, в эту секунду? Не в письме, а здесь. В этом кресле.

Я поднял на неё глаза. В её взгляде не было осуждения, лишь спокойное, выжидательное внимание.

— Пустоту, — выдохнул я. — Богооставленность. Как будто меня выключили из сети. И... стыд. Дикий, животный стыд. Жена просит спилить сухую ветку у дома — опасно. Дочь — посидеть с внуками четыре дня, ей на курсы надо. Четыре дня! Я могу! У меня есть время. Но я не делаю. Откладываю. Нахожу причины. Почему? Почему я, который замахивается на проект в девять тысяч городов, боюсь взять в руки пилу?

Оксана не ответила сразу. Она дала вопросу повисеть в воздухе, стать осязаемым.

— Потому что спилить ветку — значит признать, что у вас есть дом, который нужно беречь. Что вы — хозяин, несущий ответственность. А посидеть с внуками — признать, что вы — дед. Часть семьи. Со своей ролью и долей любви. Вам проще быть «великим грешником», драматичной фигурой на фоне собственного падения, чем обычным человеком с пилой в руках или сказкой на ночь. Грешник — роль грандиозная. Дед с пилой — обыденна. А вы бежали от обыденности всю жизнь. Ваш новый проект — та же попытка бегства в грандиозность. Чтобы не видеть ту самую ветку.

Её слова ударили с неожиданной силой. Я смотрел на неё, как ужаленный. Это было до боли точно. Как будто она заглянула в самую суть моего бегства. Я снова опустил глаза к листу, к своим каракулям, в которых угадывался когда-то красивый, уверенный почерк.

И продолжил читать. Уже с новым надрывом, с пониманием, что защитные стены рушатся.

«Пишу, а почерк такой, что и сам не разберу. Может, с этого и начать? Улучшить почерк — проявить заботу о том, кто это прочтет... Пусть даже это будешь Ты, Господи. Или я сам через год. Вот они, мои грехи, как на ладони: чревоугодие, бездействие, непросьба, тщеславие... Помоги мне! Я тону в этом...»

Голос окончательно сорвался на шёпот. Я замолчал, тяжело дыша, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Оксана ждала. Она давала пространство для этой боли, не пытаясь её заткнуть дежурными утешениями.

— Почему именно сейчас это стало так важно? — спросила она наконец.

— Потому что я устал, — сказал я, отрывая взгляд от букв, которые поплыли перед глазами. — Устал от этой войны с невидимым судьёй. И потому что эта «Ярмарка»... она слишком честная. Слишком простая. Комиссия ниже рыночной на 30%. Экономия времени до 90%. Это же не просто цифры из бизнес-плана. Это попытка искупления. Но разве может мошенник построить дом для честных сделок? Мне кажется, как только я это сделаю, всё рухнет. Потому что фундамент — я сам. А я — треснутый.

— Вы хотите прочесть следующее письмо? — предложила Оксана. Её взгляд говорил: «Мы можем идти дальше. Если ты готов».

Я кивнул, беря второй лист. Он был тоньше, почерк на нём ещё более неровный, словно писавший дрожал от холода.

— Да. Оно... о дне. О дне, когда я впервые понял, что значит быть брошенным. Не людьми — Вселенной. О сне, который приснился мне в поезде, когда я сбежал от всего.

И я начал читать о том, как двадцать два года назад моя жизнь, построенная на песке афер и самоуверенности, рухнула окончательно. Я описывал тупик: долги, угрозы, предательство своих же правил игры. Встречу с отцом Павлом в Даниловском монастыре — худым, пронцательным монахом, который посмотрел на меня не как на добычу или проблему, а как на заблудшую душу. Его слова: «Твоим дочерям не нужен покалеченный отец. Исчезни и возродись духовно».

По мере моего рассказа свет в кабинете будто менялся. Яркий дневной свет из окна тускнел, уступая место более тёплому, камерному свету настольной лампы, выхватывающей из полумрака наши лица.

— ...Я исчез, — мой голос стал приглушённым, я снова переживал тот побег. — Взял билет на первый попавшийся поезд. Куда — не важно. И в первую же ночь, в плацкартном вагоне, под мерный стук колёс, мне приснился сон...

Я закрыл глаза. Передо мной снова вставала та картина. Но теперь, рассказывая её, я видел не просто сон, а прообраз всей своей будущей миссии.

Сон. Июнь 2001 года. Плацкартный вагон.

Верхняя полка. Запах пота, металла и старого матраца. Сквозь грохот колёс пробивается другой звук — сначала далёкий, потом нарастающий. Это не гул толпы на стадионе. Это... горный серпантин. Я чувствую его кожей: прохладный воздух, пахнущий хвоей и камнем. Открываю глаза — но не в вагоне. Я на узкой тропе, вбитой в скалу. Слева — ослепительная синева неба и пропасть, уходящая в туманную бездну. Справа — серая, шершавая стена скалы. Солнце палит немилосердно, но в воздухе поют птицы. Невидимые, звонкие.

И гул. Он растёт, заполняет всё пространство, давит на барабанные перепонки. Это голоса. Тысячи, десятки тысяч голосов. Они не кричат, не поют — они гудят, как растревоженный улей. Гул потерянных, не находящих дороги. Гул, который я позже, анализируя рынок, опишу в бизнес-плане цифрами: «ежедневно 800 000 поисковых запросов по недвижимости, 450 000 активных предложений, 150 000 риелторов в информационном хаосе». Но тогда это был просто гул отчаяния.

За поворотом тропы открывается вид, от которого кровь стынет в жилах. Навстречу мне, заполняя тропы и... воздух над пропастью, движется неисчислимая толпа. Люди в самой разной одежде: от современной до лохмотьев, напоминающих одеяния разных эпох. Их лица размыты, как в плохом телевизоре, но чувствуется смесь эмоций: тоска, надежда, отчаяние, тупое покорность. Десять процентов идут по тропе. Остальные — парят в воздухе над бездной, беззвучно переступая ногами по пустоте. Жуткое, сюрреалистичное зрелище.

И впереди них всех — он. Старец. Низкого роста, сгорбленный. Одет в выцветший, почти белый холщовый подрясник. Длинная седая борода, такие же белые волосы. В руке — простой деревянный посох. Лица я не вижу, оно в тени капюшона, но чувствую на себе его взгляд. Не колкий, а тяжёлый, всеведающий, как взгляд самой горы.

Мы останавливаемся в десяти шагах друг от друга. Он поднимает посох и с силой ударяет им о камень тропы.

Стук.

Звнящая, абсолютная тишина. Смолкают голоса, птицы, ветер. Замирает сама жизнь. В этой тишине звучит его голос. Спокойный, ясный, без возраста, разносящийся эхом по ущельям:

— САМЫЙ БОЛЬШОЙ ГРЕШНИК САМ СТАЛ ПРАВЕДНИКОМ.

Я открыл глаза. Я снова был в кабинете. По моей щеке, предательски горячей, катилась слеза. Я смахнул её тыльной стороной ладони, смущённо, как ребёнок.

— Я проснулся, — прошептал я. — На часах — 4:30. На оторванном листке календаря в вагоне — 22 июня. Символичная дата, да? Началась война. За мою душу.

Оксана смотрела на меня, не шелохнувшись. В её глазах не было ни страха, ни мистического трепета. Было понимание.

— Что вы чувствуете сейчас, вспоминая этот сон?

— Боль, — выдохнул я. — И непонимание. Я живу трезвый, стараюсь честный... а долги не уходят. Проекты, за которые берусь, рушатся, как карточные домики. Я устал пытаться. Устал от этой войны, исход которой мне не ясен. И ещё... ещё стыд. Потому что этот сон — он как бизнес-план для души. В нём есть и миссия («спасти толпу от хаоса»), и уникальное предложение («стать праведником»), и даже целевая аудитория — все эти потерянные люди над пропастью. Но как его выполнить? Как грешнику стать... проводником?

— Мы работаем год, — сказала Оксана тихо, — и только сейчас вы стали готовы сбросить те мешки с песком, что мешают вашему шару взлететь. Вы долго несли их, принимая за часть себя. Этот сон — не инструкция, а метафора. Вы сами — и

грешник, и старец, и толпа. Всё внутри вас. И выбор — идти по тропе или парить над пропастью — тоже ваш.

Я кивнул, не в силах говорить. Ком в горле стал размером с яблоко. Я взял третий лист. Самый тяжёлый.

— Здесь... о том, как я отрёкся. По-настоящему. Не во сне. В реальности. За деньги и призрачную «удачу».

— Покажите, — попросила Оксана, наклоняясь вперёд. Её поза выражала предельное внимание. — Не читайте. Расскажите. Как это было. Где вы были? Что чувствовали?

Я закрыл глаза. Отложил лист. И увидел это снова, в мельчайших деталях, как будто это было вчера.

Москва. Конец 90-х. Храм на Фрунзенской набережной.

Небольшая церковь, пахнувшая ладаном, воском и старой древесиной. Вечер. Народу мало. Пожилая женщина у подсвечника, двое мужчин где-то сзади. Я стою у входа, в дорогом, но мятом пальто. В кармане — пачка денег, только что полученная за очередную «сделку». В ушах — слова партнёра, Николая Г.: «Хочешь зарабатывать 100%? Бери предоплату и не отдавай. Но чтобы масть полёрла, зайди в любой храм и громко отрекись от Бога. Скажи, что будешь служить только деньгам. Чтобы все услышали. Тогда бабло повалит рекой».

Я тогда верил в приметы бизнес-скоморохов. В «масть». В карму, которую можно обмануть ритуалом. Я был тем самым человеком, который позже, в бизнес-плане, напишет о «снижении рисков мошенничества до нуля», но тогда я сам был главным риском.

Я сделал шаг вперёд. Голос внутри, тот самый, детский, что когда-то читал молитвы с бабушкой, закричал: «Не надо!». Но его заглушил рёв моего эго, жажды наживы, презрения ко всему, что нельзя потрогать.

Я поднял голову. Иконостас был в золотом сиянии от свечей. Лик Христа на центральной иконе смотрел прямо на меня. Не гневно. С печалью. С бесконечной, всепонимающей печалью.

И я сказал. Громко, отчётливо, с вызовом молодого наглеца, который уверен, что купит весь мир:

— Бог! Я от Тебя отрекаюсь! С этого дня я буду служить только деньгам! Только силе! Слышите все?!

Эхо моих слов покатилося под сводами. Женщина у подсвечника обернулась, её лицо исказилось ужасом и жалостью. Мужчины сзади замерли. Тишина после моего крика была оглушительной. Я ждал... чего? Удара молнии? Треска по швам реальности?

Но ничего не произошло. Только тишина. И эта печаль в глазах на иконе.

И тогда из темноты придела, откуда-то из-за колонны, раздался тихий, спокойный, старческий голос. Женский голос:

— Дитя моё... Он всё равно тебя ждёт. Когда устанешь нести этот крест — возвращайся.

Я открыл глаза. Я был в кабинете, но всё ещё чувствовал холод того храма и тепло тех слов.

— Вот и всё, — сказал я сдавленно. — Я продал душу. За призрачную «масть». И она... та старушка... она сказала «дитя моё»... И пошли деньги. Реки денег, квартиры, машины, «уважение». И одиночество... такое всепоглощающее, что хоть кричи в подушку — а тебя нет. Ты — призрак среди своих же трофеев. Я стал ходячим противоречием: человек, который боялся успеха, потому что знал, какой ценой он куплен. И теперь, когда у меня родилась по-настоящему чистая идея, я боюсь, что старый договор всё ещё в силе. Что успех «Ярмарки» будет означать, что я снова продал что-то. Только уже не понимаю что.

Я замолчал, опустошённый. В кабинете повисла тяжёлая, но на этот раз не давящая тишина. Она была подобна тишине после долгого, мучительного, но необходимого прорыва.

И в этой тишине, едва слышно, из колонок пробила знакомая мелодия — припев песни отца Олега Скобли «Поиграй в любовь». Компьютер Оксаны, живший своей жизнью, решил, что пора.

— Простите, — встрепенулась Оксана, потянувшись к мышке. — Сейчас выключу.

— Нет, — я поднял руку. — Не надо. Не выключайте. Пусть играет. Мне... мне сейчас это нужно. Музыка — в самый раз. Мне нужно отдохнуть. Просто побыть.

Я откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. Звуки гитары и простые, искренние слова о любви обволакивали меня, как целебный бальзам. Я не молился. Я просто слушал и дышал. Впервые за долгое время — дышал полной грудью, не сжимаясь от страха или стыда.

Оксана не шевелилась. Она смотрела на меня, и в её взгляде, я знал, была не профессиональная оценка, а человеческое участие.

Свет в кабинете медленно начал гаснуть, оставляя в мягком луче настольной лампы только моё лицо. За окном окончательно стемнело, и в отражении стекла я увидел себя — уставшего, поседевшего, но с каким-то новым, едва уловимым спокойствием в уголках глаз.

— Знаете, Оксана, — сказал я, не открывая глаз. — В бизнес-плане «Ярмарки» есть пункт «Уникальное торговое предложение». Там написано: «Снижение рисков мошенничества до нуля». Я сегодня понял, что это не про клиентов. Это про меня. Это моё личное УТП самому себе. Пора снизить риск мошенничества перед своей душой до нуля.

Она тихо улыбнулась.

— Тогда, возможно, и ветку спилить будет не так страшно.

Первый акт моей исповеди окончился. Но это был не финал, а только завязка. Впереди была работа. Долгая, кропотливая, состоящая из миллиона маленьких дел. Но это было уже завтра. А сегодня я просто сидел и слушал песню. И думал о том, что, возможно, «Самый большой грешник стал праведником» — это не приговор, а приглашение. Приглашение построить не просто бизнес, а мост. Мост из того храма, где я отрёкся, к тому месту, где люди смогут, наконец, обрести свой дом.

И первый шаг по этому мосту я сделал завтра утром. С пилой в руках.

ГЛАВА 2. КОСА, ТРЕЩИНЫ В АСФАЛЬТЕ И СПИСОК, КОТОРЫЙ СТАЛ БАЗОЙ ДАННЫХ

Выйдя от Оксаны в тот вечер, я не почувствовал облегчения. Была странная опустошенность, как после сложной операции, когда анестезия отходит, а боль ещё не вернулась полной мерой. Я сел в свою машину и долго сидел, глядя на тёмное окно подъезда, где горел её свет. В ушах — навязчивое эхо: «Дитя моё... Он всё равно тебя ждёт».

В пятьдесят два года, с сединой в бороде и тюками невыплаченных долгов за плечами, я был ребёнком, который нарисовал на стене жизни похабный рисунок и теперь боялся признаться.

Я завёл машину. Первым делом, почти на автомате, позвонил жене.

— Алло? — её голос был настороженным. Мои вечерние звонки редко несли хорошее.

— Привет, это я. Про ветку... ту, сухую, у калитки. Завтра спилю. Ранним утром. Обещаю.

Молчание на том конце. Потом тихий, сдержанный выдох.

— Ладно. Спасибо. Ты... как? — в её тоне промелькнуло что-то, отдалённо напоминающее участие. Не любовь ещё, нет. Но и не ледяная стена.

— Живой, — пошутил я глупо. — Пока. Спокойной ночи.

— Спокойной.

Это было первое «маленькое дело». Не спилить ветку — пообещать. И выполнить. Звучало смехотворно, но для нашей семейной войны, длиной в двадцать лет молчаливых обид, это было как белый флаг, выброшенный на нейтральную полосу.

На следующий день, в шесть утра, я стоял на нашей даче под Подольском. Не гламурном коттедже, а старом советском участке с покосившимся домом — воплощении всего, от чего я бежал: обыденности, скромности, необходимости что-то делать своими руками.

Участок в шесть соток напоминал джунгли. Крапива в рост человека, лопухи с зонтиками, какая-то колючая поросль, захватившая забор. Жена просила навести порядок года три. Я кивал и нанимал гастарбайтеров, которые делали всё тяпками наотмашь, а через месяц джунгли возвращались с удвоенной силой.

На это утро у меня не было денег на гастарбайтеров. Только старинная, острая как бритва коса, найденная в сарае. И бешеное, иррациональное желание сразиться.

Воздух был чистым, холодным, пахло прелой листвой. Я надел старые треники, футболку, взял в руки гладкое, отполированное временем древко косы. Первый взмах.

Ш-ш-ш-х!

Звук был удивительно сочным. Трава падала ровным веером. Второй взмах. Третий. Спина заныла уже через десять минут. Руки, привыкшие к компьютерной мыши и

рулю, горели. Я вспотел. Остановился, оперся на косу, как на посох. Передо мной лежал ковёр из поверженных стеблей, а за ним — стена зелёного хаоса, ещё нетронутого.

И тут меня осенило. Это же идеальная метафора!

Мой внутренний мир, мои долги, мои невыполненные обещания, мои вытесненные страхи — это вот эти джунгли. Неприступные, густые, пугающие. А я, с моей маленькой косой (читай: с моим крошечным, только что проснувшимся желанием меняться), стою перед ними. Задача не в том, чтобы покорить всё и сразу. Задача — сделать один взмах. Потом ещё один. Потом отдохнуть. Потом — ещё.

Я косил три дня. Спина отваливалась. Ладони покрылись волдырями, а потом мозолями. Я отменял «важные» звонки, игнорировал сообщения. В перерывах сидел на старом пеньке, пил воду из пластиковой бутылки и смотрел на очищающуюся землю. Из-под зарослей показались забытые кусты смородины, ржавая бочка, даже каменная голова гнома, которую дочка в детстве раскрасила.

На второй день, во время одного такого перерыва, когда боль в пояснице была острой и чистой, в голову полезли не воспоминания, а люди. Лица. Те, кому я должен. Не только деньги. Должен честность, благодарность, извинения.

Я вытащил из кармана потрёпанный блокнот и на чистой странице вывел заголовок:

«СПИСОК. ТЕ, ПЕРЕД КЕМ Я ВИНОВАТ»

Это не был список врагов. Это был список моих ошибок, воплощённых в людях. Мой личный рынок невыплаченных долгов доверия.

Первым шёл Сергей Петрович, мой первый настоящий партнёр в девяностых. Мы начинали вместе, с нуля, с горящими глазами. Потом пришли большие деньги, и моя жадность, прикрытая «резвым расчётом», вытеснила его из бизнеса. Я оставил ему крохи, убедив себя, что он «всё равно ничего не понимает в масштабах».

Второй — Александр, «Сашок-риелтор». Честный малый, который вытянул для меня кабальную сделку с недвижимостью, пока я был в запое. Я воспользовался его помощью, а потом, когда он попал в беду, «не нашёл времени» помочь. Сейчас, говорят, он так и не смог выбраться.

Третий, четвёртый, пятый...

Девяносто второй. Девяносто второй был мой сосед по даче, дядя Миша, у которого я когда-то «временно» занял бензопилу и «случайно» сломал. Не отдал, не починил. Просто избегал потом. Из-за бензопилы!

Я смотрел на этот список и хохотал. Громко, истерично, до слёз. Это был смех саморазоблачения. Враг государства? Нет. Враг человечества? Тоже нет. Я был жалким воришкой чужого доверия, мелким пакостником в дорогом костюме. Мой «грандиозный грех» распадался на сотню постыдных, бытовых пакостей. Это было и унижительно, и... освобождающе.

Враги не были монстрами. Это были люди, которых я сам превратил в своих судей своими же поступками. И как я мог строить «Ярмарку доверия», имея за плечами такой архив предательств?

Тогда, на пеньке, с мозолями на руках и списком на коленях, родилась безумная идея. Что, если... просто написать им? Не просить прощения сразу (не выйдет, фальшь почувствуют). Не оправдываться. А просто... рассказать. О том, что я понял. О своей новой, может быть, последней аванюре — «Ярмарке». Без просьб о деньгах. Без надежды на ответ. Как бросить бутылку с посланием в океан прошлого.

Это стало вторым «маленьким делом». После трёх дней покоса я сел за стол, включил компьютер и начал.

«Дорогой Сергей Петрович, ты, наверное, очень удивишься, получив это письмо. Да я и сам удивляюсь, что пишу. Не для оправданий. Просто хочу поделиться одной идеей, которая меня сейчас зажигает. Мне кажется, это может изменить рынок недвижимости в регионах...»

Я описывал идею Ярмарки страстно, как еретик, проповедующий новую религию. Я вложил в эти письма всё, что у меня оставалось: последние искры энтузиазма, расчёты, мечты о том, как это поможет обычным людям. Отправлял, не проверяя орфографию. Боялся, что если перечитать — передумаю.

Ответа ждал неделю. Две. Тишина. Ну что ж, справедливо. Я почти успокоился. Продолжал своё «исцеление» через быт: помыл крыльцо, съездил на могилы отца и бабушки, скошил там траву. Купил жене новый чайник, потому что старый протекал. Мелочи. Миллион мелочей.

А потом, ровно через месяц, пришло письмо. На корпоративную почту. От Сергея Петровича.

Текст был сухим, как осенний лист:

«Коля. Письмо получил. Идея, если ты не врешь (а ты мастер это делать), — гениальная в своей простоте. Если врешь — ты стал опаснее, потому что научился маскироваться под человека с идеей. Держу кулаки. На счёт. Послал символическую сумму. Рассматривай как инвестицию в наше общее прошлое. Если сгорит — не обижайся, сам виноват. Если взлетит... позвони. С.»

К письму было прикреплено подтверждение перевода. Сумма была не огромной, но и не символической. 50 000 рублей. Настоящие, живые деньги. И фраза «инвестиция в наше общее прошлое».

Я просидел, уставившись в экран, минут двадцать. Потом пошёл и вымыл пол на кухне. Вручную. Чтобы физически ощутить этот странный, щемящий микс стыда и благодарности.

Этот перевод стал тем самым семечком. Денег хватило на первый, самый дешёвый, но юридически чистый вариант бизнес-плана и на несколько поездок по области в поисках помещения. Я снова открыл файл с расчётами. Цифры, которые раньше были абстракцией, теперь обрели вес:

- Первые инвестиции: 50 000 руб. (личное прощение) → 300 млн руб. (цель для инвесторов).
- Первая площадка: 6 соток (мой дачный участок) → 2 800 м² (площадь будущей Ярмарки).
- Первый «клиент»: Сергей Петрович (один человек) → 5,5 млн сделок в год (потенциальный рынок).

Математика искупления начинала сходиться.

ГЛАВА 3. ПОИСКИ. ГОРОД N И ЗАБРОШЕННЫЙ ХРАМ КОММЕРЦИИ

Город N был типичным подмосковным городком-спальней: панельные многоэтажки, пара унылых ТЦ, рынок и ощущение, что вся жизнь происходит где-то в Москве. Именно здесь я нашёл на «Авито» то, что искал: заброшенный трёхэтажный торговый центр. 2 800 квадратных метров пустоты. Цена — 50 миллионов. Для человека с репутацией банкрота — космос.

Я приехал туда один. Ключи дал охранник, тоскующий в своей будке. Я ходил по пустым, эхом отдающим залам. Сквозь грязные витражи лился скупой осенний свет, выхватывая из полумрака граффити, груды мусора. В воздухе стоял запах сырости, пыли и чего-то безвозвратно ушедшего.

И тут со мной случилось странное. Я не увидел руины. Я увидел... пространство. Огромное, пустое, как чистый холст.

Я представил, как здесь, на первом этаже, будут стенды с фотографиями квартир. Как пойдут люди — семьи, молодые пары, пожилые — в поисках не просто квадратных метров, а своего угла, своего начала. Я представил гул голосов, смех, споры, рукопожатия. Представил, как где-то здесь, у стойки информации, растерянная женщина получит бесплатную консультацию и её глаза засветятся надеждой.

Это было не бизнес-видение. Это было почти что видение в религиозном смысле. Я стоял посреди этого храма коммерции и чувствовал... призвание. Слово, которое всегда презирал как удел слабаков.

«Самый большой грешник стал праведником».

Может, праведником я и не стал. Но служителем — да. Служителем этой идеи, этим будущим людям в этих стенах.

Дальше была не магия, а каторжная работа, смешанная с молитвой. Я назвал это «Логистикой чуда».

1. Деньги. Сергея Петровича хватило только на аналитику и юристов. Нужен был инвестор. Я пошёл не в банки, а... к духовнику. Отец Дмитрий выслушал мою сбивчивую исповедь-презентацию и сказал: «Служить людям в их жилищной нужде — дело благое. Но будь прост, как змий, и мудр, как голубь. Ищи не инвестора, а сотрудника. Того, кто увидит в этом служение, а не просто прибыль».

2. Данные. Мы с нанятым на последние деньги студентом Ваней облазили все доски объявлений. «Авито», «Циан», «Домклик». Выкачали 15 тысяч объявлений. Оказалось, 5 тысяч — дубли. Рынок был хаотичен, как мой участок до покоса. Наша миссия была проста: навести порядок в этом цифровом хаосе. Каждый дубликат, который мы удаляли, был как взмах косой.

3. Бумага. В эпоху цифры мы пошли в аналог. Я решил создать бесплатную газету «Вся недвижимость города N». Звонки агентствам: «Разместим бесплатно, только актуальные данные». 75% соглашались с подозрительной лёгкостью. Видимо, хаос достал всех.

4. Почта России. Наше гениальное и безумное решение. Мы напечатали первый тираж и заказали... разноску по всем 57 000 почтовых ящиков района. Люди, особенно старшего поколения, любят листать бумажные газеты. Мы получили лавину откликов: «А у меня тоже есть квартира, добавьте!», «А почему меня нет?».

5. Билборды. Для дачников и проезжих — реклама на выездах из города. «Вся недвижимость в одной газете. Бесплатно».

Через три месяца у нас была база из 40 000 объектов. Мы были единственными, кто собрал ВСЬ рынок города в одном месте. В цифре и на бумаге. Ценность была не в технологии, а в этой тотальной, почти маниакальной полноте. Я вновь открыл бизнес-план и внёс первую правку в раздел «Уникальное торговое предложение»: «100% покрытие рынка города — не маркетинг, а реальность».

ГЛАВА 4. ШОУРУМ: НАРОДНАЯ СТРОЙКА И ЗВУК ЖИЗНИ

Заброшенный ТЦ мы так и не купили. Не было денег. Но мы договорились с собственником об аренде под условие: «Мы сделаем ремонт и наполним людьми. Вы получите повышенную арендную плату и стоимость объекта». Он, уставший от пустоты, согласился.

Ремонт делали «народной стройкой». Студенты, знакомые, несколько бывших кредиторов, которых заинтересовала авантюра. Красили, мыли, вывозили мусор. Я работал со всеми, в старых штанах, в краске. Моя «грандиозность» растворялась в запахе краски и пота. Это было смирение. Не унижительное, а достойное. Человек с молотком — он уже не икона и не изгой. Он — работник.

На стенах мы развесили распечатанные на плоттерах объявления — эту самую «стенгазету» размером со стену. Выглядело это безумно, наглядно, осязаемо. Мы физически материализовали цифровую базу данных.

Открытие было назначено на субботу. Я не спал всю ночь. Не от страха. От предвкушения. Как в детстве перед походом в зоопарк.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ.

В девять утра я стоял у входа. Было холодно. Я курил электронную сигарету, руки дрожали.

Пришла первая пара — молодые, он в спортивной куртке, она, прижимая к себе папку с документами. Они с опаской заглянули внутрь, увидели море объявлений и несколько уже работающих стендов риелторов.

— Здравствуйте, — сказал я, слишком громко. — Добро пожаловать на Ярмарку. Выбирайте, сравнивайте, все риелторы здесь — проверенные. Вопросы — к нам на стойку.

Они кивнули, неуверенно улыбнулись и пошли внутрь.

Потом пришли ещё. И ещё. К десяти утра в зале было человек тридцать. К полудню — больше сотни. Возник гул. Тот самый, которого я ждал. Гул человеческих голосов, переговоров, споров, смеха. Звук жизни. Риелторы, которые сначала отнеслись к идее скептически, засуетились, заулыбались. Пошёл кофе, зашелестели договоры.

Я стоял в стороне, прислонившись к колонне, и смотрел. И не мог поверить. Это сработало. Не магия. Логика. Честная, простая логика, помноженная на чудо человеческого доверия, которое тебе дают ещё раз, вопреки всему.

В кармане зазвонил телефон. Жена.

— Ну как? — спросила она. В её голосе не было обычной усталости. Было любопытство.

— Шумно, — сказал я, и голос мой дрогнул. — Очень шумно. И... хорошо.

— Молодец, — коротко сказала она и положила трубку.

«Молодец». За три года это было первое неформальное, необязательное одобрение. Оно стоило больше, чем первая прибыль, которая, кстати, в тот день тоже была. Символическая. Но — была.

Вечером, когда последние посетители разошлись, я остался один в огромном, теперь не пустом, а наполненном энергией пространстве. Я прошёлся между стендов, поправил отклеившийся уголок объявления, выбросил стаканчик из-под кофе.

Потом поднялся на второй этаж, откуда было видно всё. Включил на телефоне ту самую песню, «Поиграй в любовь». Сегодня она звучала иначе. Не как утешение, а как гимн. Гимн тому, что даже самая кривая, грешная дорога может привести тебя к месту, где ты нужен.

Я не стал праведником. Я стал полезным. И в этот момент это казалось самым большим чудом из всех возможных.

Я достал блокнот и на чистой странице записал:

«День 1. Ярмарка. Пришло ~120 человек. Заключено 3 предварительных договора. Прибыль: 5 400 руб. (комиссия). Себестоимость дня (аренда, свет, кофе): 8 000 руб. Убыток: 2 600 руб.

Итог дня: ПЕРВЫЙ ШАГ СДЕЛАН. ШУМ ЖИЗНИ — БЕСЦЕНЕН. БОГ, СПАСИБО ЗА ЭТОТ ШАНС. ДАЙ МНЕ СИЛЫ ЕГО НЕ ПРОЕБАТЬ».

Я закрыл блокнот. Внизу, в опустевшем зале, горел свет. Там теперь была не пустота, а потенциал. Тот самый потенциал, который в бизнес-плане был обозначен холодной строкой: «Годовая прибыль одной площадки: 82,2 млн руб.».

Для меня в тот момент эта цифра означала только одно: столько раз можно помочь людям найти дом. Столько раз можно не обмануть. Столько раз можно оказаться полезным.

И это было лучшей инвестицией в моё собственное, пошатнувшееся будущее.

ГЛАВА 5. ПИСЬМА В НИКУДА И ГОЛОС ИЗ ДОНЕЦКА

Успех первой Ярмарки был хрупким, как первый лёд. Денег хватало только на покрытие аренды, зарплату Ване-технарю и двум администраторам. Моя личная «зарплата» оставалась нулевой. Я жил на те крохи, что удавалось вынуть из оборота, и на негласную помощь жены, которая, видя, что я не пью и не пропадаю, начала потихоньку подкармливать меня домашними обедами.

Но энергия, запущенная в мир, начала возвращаться бумерангом.

ОТВЕТЫ.

На моё «бутылочное» послание бывшим партнёрам начали приходить ответы. Не массово, нет. Поштучно. Как редкие, но тёплые капли после долгой засухи.

От Александра, «Сашка-риэлтора», пришло СМС: «Колян, письмо получил. Схема рабочая. Сам бы так не додумался. Класс. Если че — я в теме. База есть». И номер телефона. Я позвонил. Мы встретились в обычной столовой. Он постарел, осунулся, но глаза блестели по-прежнему. Мы говорили не о прошлом. О будущем. О том, как подключить его старых, «неинтернетных» клиентов к системе Ярмарки. Это был деловой разговор двух профессионалов. Без упрёков. Прошрое тихо сидело за нашим столиком, но мы делали вид, что не замечаем его. Иногда этого достаточно.

От одного из самых обманутых кредиторов пришло письмо на email с темой «Удивлен». Короткое: «Прочитал. Не ожидал. Если это не ложь — удачи. Но тебе я денег не дам. Никогда». Это была не месть. Это была честность. Я написал в ответ: «Спасибо за честность. Это больше, чем я заслуживаю. Если будет в городе N — заходи на Ярмарку, покажу». Он не ответил. И правильно.

А потом был звонок. С незнакомого номера, с кодом Донецка.

— Никола? Это ж ты? — хриплый, прожжённый табаком и, как мне показалось, войной голос.

— Да. Кто спрашивает?

— Слушай сюда, интеллигент. Ты мне когда-то, в девяносто третьем, должен был за поставку угля. Не отдал. Я тебя потом искал, хотел... ну, ты понял. А тут письмо твоё прочитал. Смешно стало. Ты, пацан, совсем рехнулся? Ярмарки... Ну ладно. Долг твой... знаешь, что? Списаныъ. Считай, я в твою ярмарку инвестировал. Только чтобы она прогорела, сука, на хрен! Чтоб ты помнил!

Он положил трубку. Я стоял с телефоном у уха, пока не зазвучали гудки. «Инвестировал». Он простил долг. Самый безнадёжный, старый, почти мифический долг. Не из благородства. Из... какого-то странного, усталого презрения, смешанного с абсурдной верой в то, что моя авантюра всё равно провалится. Это было самое неожиданное благословение в моей жизни. Благословение в форме проклятия.

Именно в этот день я внёс в бизнес-план новый пункт в разделе «Риски»: «Неожиданная благодать. Путь минимизации: быть готовым её принять, не спрашивая, почему».

ГЛАВА 6. СЛУЖЕНИЕ ПО ВТОРНИКАМ

Пока Ярмарка набирала обороты, я выполнял другое обещание — себе и, как мне казалось, Богу. Каждый вторник я ехал в областную психиатрическую больницу закрытого типа. Вёл группу для зависимых.

Дорога туда была отдельным ритуалом очищения. От города к больнице вела узкая дорога через лес. Я выключал музыку и ехал в тишине. Больница возникала неожиданно: высоченный кирпичный забор с колючкой, будка охраны, мрачноватые корпуса.

Моя группа — «11 апостолов отчаяния», как я мысленно их называл. Бывшие бандиты, воры, один — заказной убийца, отсидевший срок и сошедший с ума от чувства вины. Все — с зависимостями. Все — сломленные.

Первые встречи были адом. Они смотрели на меня, «успешного бизнесмена с психологом», с ненавистью и насмешкой.

— Что ты нам расскажешь, чистенький? — хрипел Василий, бывший медвежатник с тремором рук. — Ты ж не знаешь, как это — ломаться по суставам, чтоб дозу найти.

— Знаю, — говорил я просто. — Знаю, Вася. Я не чистенький. Я грязнее многих здесь. Просто мой срок и моя «доза» выглядели иначе. Офис, костюм, ложь. А ломка... ломка одинаковая. Отчаяние — оно одно на всех. Я там был. На дне. Смотрел в потолок и думал: вот бы просто не проснуться. Знакомо?

Он смотрел, не веря. Но замолкал.

Я не читал им лекций. Я рассказывал истории. Про свой сон в поезде. Про старуху в храме. Про то, как косил траву и плакал от бессилия. Про письма врагам. Я выворачивал перед ними свою душу. Без пафоса. С самоиронией: «Сижу, понимаете, на этом пеньке, царь природы с косой, а сам думаю: Господи, да я же просто идиот!»

Постепенно ненависть в их глазах сменилась настороженным интересом, потом — на удивление. Я был не благодетелем сверху. Я был одним из них, только выбравшимся на другой берег. И я не скрывал, что тот берег — не рай. Это просто возможность каждое утро видеть своё лицо в зеркале без омерзения.

Однажды после группы ко мне подошёл самый молодой, Дима, бывший наркокурьер.

— Николай... а как ты... письма эти писал? Им же... они же тебя ненавидят.

— Да, — сказал я. — Наверное, ненавидят. И имеют право. Я писал не для того, чтобы меня простили. Я писал, чтобы перестать самому себя ненавидеть. Чтобы вытащить

эту гниль из себя на бумагу и отослать. Как письмо в никуда. А то, что кто-то ответил... это уже подарок. Не заслуженный.

Он долго смотрел на меня, потом кивнул: «Понял». Не знаю, что он понял, но в его взгляде впервые появилось что-то, кроме тумана.

Эти вторники стали для меня не службой, а прививкой от гордыни. Когда у тебя в четверг встреча с инвестором на миллионы, а во вторник ты вытираешь сопли и слушаешь исповедь человека, который убил из-за пачки сигарет, — твои «миллионные проблемы» становятся на своё, скромное место. Это была обратная сторона моей «Ярмарки»: здесь я не создавал ничего, кроме тишины для чужих ран. И это исцеляло больше всего.

Именно там, в больничной тишине, родилась формула, которую я позже впишу в меморандум для инвесторов: «Бизнес-модель, в основе которой — восстановление доверия. Целевая аудитория — не клиенты, а потерявшие веру. Продукт — второй шанс».

ГЛАВА 7. ПРЕДАТЕЛЬСТВО ПО РАСПИСАНИЮ И УРОК О ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Успех породил спрос. Ко мне потянулись люди. Таким человеком стал Андрей. Молодой, с MBA, горящими глазами. Он предложил свои навыки в digital-продвижении и франчайзинге. Я, уставший от операционки, ухватился за него.

Мы запустили франшизу. Идея: «коробочное решение» — база данных, методика, дизайн. Первый контракт продали в соседний регион. Клиент — Петр Сергеевич, бывший строитель. И тут начался кошмар.

База «глючила». Материалы оказались сырыми. Горячая линия тонула в звонках. Я метался, тушил пожары, тратя ресурсы первой Ярмарки. Андрей же холоднел: «Николай, это детские болезни. Надо переждать».

— Но мы теряем людей! — кричал я. — Петр Сергеевич вложил последнее!

— В бизнесе верят результату, а не красивым глазам, — парировал он.

А потом я обнаружил, что Андрей вёл параллельные переговоры о продаже наших наработок. Под видом «аутсорсинга». Он готовил почву для ухода, прихватив самое ценное — интеллектуальную собственность.

Мы столкнулись в моём кабинете поздно вечером.

— Ты что делаешь, Андрей?

— Строю будущее, — ответил он, не смущаясь. — Твоя модель гениальна, но ты, Николай, — архаичен. Ты хочешь спасать каждого зайчика. Бизнес так не делается. Нужна жёсткость. Система. Я создаю систему. А ты... ты останешься тут со своим «служением» и лавочкой.

В его глазах не было злобы. Была холодная, чистая уверенность хищника. И он был прав в одном — я не мог быть «жёстким» в старом смысле. Не потому что стал святым. Потому что знал цену такой «жёсткости».

— Уходи, — сказал я тихо. — Забирай свои бумаги. Но база, идея — это моё. Это даже не совсем моё. Это... общее. Ты не можешь это продать.

— Попробуй меня остановить, — усмехнулся он.

Той ночью я не спал. Я сидел у панорамного окна и видел провал. «Старый текст» проступал жирными буквами: МОШЕННИК, ПРЕДАТЕЛЬ. Андрей был зеркалом, в котором я увидел своего старого себя.

И тогда я сделал то, что не делал никогда — не полез в бутылку, не стал строить планы мести. Я взял блокнот и написал письмо Петру Сергеевичу. Признание.

«Пётр Сергеевич, вы имеете полное право подать на меня в суд. Наша система сырая, мы вас подвели. Я несу полную ответственность. Все ваши деньги будут возвращены в течение недели. За мой счёт. Кроме того, если будете готовы попробовать ещё раз, я лично приеду и буду помогать, пока всё не заработает. Без оплаты. Мне важнее ваше доверие, чем прибыль. Прошу прощения».

Отправил. В три часа ночи. Потом написал такое же ещё нескольким первым франчайзи. Потом — заявление в полицию о попытке продажи интеллектуальной собственности. А потом... позвонил Сергею Петровичу.

— Сергей, это Николай. Прости за поздний звон. У меня проблема. Нужен совет. Не деньги. Совет.

Он выслушал. Помолчал.

— Коля, — сказал он. — Ты знаешь, в чём твоя главная ошибка?

— В том, что доверился?

— Нет. В том, что ты решил, что можно масштабировать человечность по франшизе. Нельзя. Систему — да. Бренд — да. Но человечность, это твоё новое качество... оно штучное. Его нельзя упаковать в коробку и продать. Ты должен быть там. Лично. Ты — главный актив этого бизнеса. Твоя история. Твоё падение и твой подъём. Это и продаётся. Не база данных. Не стенды. Доверие. А ему нужен адрес. Имя. Лицо.

Это было озарение. Я пытался построить безликую машину, пока сам не стал в ней винтиком. А люди шли не к машине. Они шли ко мне. Грешнику, который пытается исправиться.

На следующее утро пришёл ответ от Петра Сергеевича. Короткий: «Деньги возвращай. Приезжай. Будем делать вместе. Но если ещё раз подведёшь — сам знаешь куда». В конце — смайлик-кулак.

А через день пришла полиция за Андреем. Не посадили, но допрос, изъятие компьютеров... его амбиции споткнулись о правовую реальность. Он уехал.

Я не праздновал. Я сел и полностью пересмотрел модель. Убрал «коробочное решение». Вместо этого предложил «партнёрство с сопровождением»: большой процент нам, но гарантия личного участия на каждом этапе, обучение на нашей площадке, постоянный аудит. Менее прибыльно в краткосрочной перспективе, но зато... честно. И жизнеспособно.

Этот кризис переродил дело. Из попытки создать империю он превратил Ярмарку в сеть доверия. Где каждый партнёр знал меня лично. Где я был не боссом, а старшим товарищем, который сам прошёл через огонь.

Именно в этот момент, когда буря утихла, раздался звонок.

— Николай, добрый день. Это Оксана. Помните меня? — её голос звучал так же собранно и тепло.

— Как же не помнить, — улыбнулся я. — Вы — мой личный катализатор распада старой личности.

Она рассмеялась.

— Рада, что мои услугигодились. У меня к вам деловое предложение. И... личное любопытство. Можно я заеду? Через неделю, во вторник?

— Во вторник у меня группа в психбольнице, — автоматически сказал я.

Короткая пауза.

— Вы всё ещё ездите туда?

— Это не «всё ещё». Это — навсегда. Но после группы — свободен. Приезжайте к четырём. Покажу, что выросло из вашего семечка.

— Договорились. До вторника.

Я положил трубку и подошёл к окну. Внизу кипела жизнь моей Ярмарки. Я смотрел на людей и думал о том, что сказал Сергей Петрович. «Ты — главный актив». Раньше бы это польстило моему эго. Сейчас это звучало как ответственность. Крест, который я добровольно взвалил на себя. И который нёс не с гордостью, а с благодарностью.

Потому что только под его тяжестью я чувствовал себя по-настоящему живым. Не успешным. Не грешным. Не праведником. Просто — живым человеком, который нашёл, наконец, своё дело.

ГЛАВА 8. ВСТРЕЧА. ТРИ ГОДА И ОДИН ДЕНЬ

ВТОРНИК.

Утро началось с группы в больнице. Василий, бывший медвежатник, сорвался. Его нашли на вокзале в диком запое, с билетом в один конец. Он сидел перед нами, трясясь.

— Ну что, препод, — хрипел он. — Говорил же... твои сказки не работают. Вот. Дно. Опять.

Все смотрели на меня. Ждали нотации.

— Вася, — сказал я просто. — Я рад, что ты здесь. А не под забором. Дно — оно тоже своё. Ты его знаешь. Значит, можешь от него оттолкнуться. Сегодня. Сейчас. Расскажи, что было перед тем, как купить билет.

Он смотрел на меня с ненавистью, потом вдруг лицо его исказилось, и он зарыдал. Грубо, по-мужски. Плакал о том, что дочь перестала брать трубку. Что страх будущего снова накрыл с головой.

Я не утешал. Я слушал. И все слушали. Это и была работа — создать пространство, где можно выкричать свою боль без осуждения.

После группы Вася подошёл ко мне.

— Извини, Никола... за «препод».

— Да ладно, — махнул я рукой. — Я и есть препод. Препод жизни, у которой я сам двойка с минусом.

Он хрипло рассмеялся. Ещё одна маленькая трещина в отчаянии.

КАБИНЕТ.

Я приехал пораньше, чтобы убрать, проветрить, поставить белые хризантемы. Заказал тот самый зерновой кофе. Хотелось создать для Оксаны совершенную среду. Как благодарность. Как алтарь для отчёта.

Я стоял у панорамного окна. За стеклом кипел день Ярмарки. Не пять тысяч человек, как в мечтах, а полторы-две. Но это были реальные люди. Я знал многих в лицо.

Дверь открылась. Шаги. Лёгкий, замерший вздох.

Я обернулся.

Оксана стояла на пороге. Она смотрела не на меня, а через меня — на бурлящее пространство. В её глазах было то самое «обалдеть!», смешанное с профессиональным интересом и... гордостью.

— Оксана. Здравствуйте.

— Николай. Добрый день. Это... потрясающе. Я не ожидала такого масштаба.

Мы обнялись. Коротко, но в этом объятии была вся трёхлетняя история.

Мы сели у окна. Минуту просто смотрели. Гул голосов доносился приглушённо, как шум прибоя.

— Вы хотите сказать, — начала она, — что, получив мои скромные рекомендации, вы рванули, как болид, и ни разу не хотели сдаться? Честно?

Я усмехнулся.

— Честно? Каждый день. Каждый день, Оксана. Но... появился азарт. Азарт поделиться тем, что было.

— Я вся — внимание.

— После нашей последней сессии я осознал природу своего отречения. Мне было 52 года, 92 кредитора и 30 килограмм лишнего веса. Полное непонимание — зачем жить.

Я встал, принёс ту самую фотографию — я в трусах, с отвисшим животом, лицо заплывшее от отчаяния.

— Видите? Это был я. Живой труп с банковским счетом (пустым). Вы можете за секунду вспомнить самый отчаянный момент в вашей жизни? Когда ты успешен, знаменит, а наступает жёсткое, страшное отчаяние. И никто не может помочь. Ни-че-го.

Она взяла фотографию, посмотрела на неё, потом на меня. В её глазах было понимание.

— Да, — сказала она твёрдо. — После того, как на сессии у меня умер клиент. От передоза. Я сидела рядом, держала за руку, а он уходил. Я поняла, что не всесильна. Что не могу спасти всех. Это был мой «мешок с песком», который я тащила годами. Пришлось снять.

Я кивнул. Именно. Мы все тащим свои мешки.

— А у меня их была гора. «Миллион маленьких дел». Почему миллион? Потому что это была глыба до неба из невыполненных просьб жены, недоделанных планов, неоплаченных долгов, несказанных «прости». Она заслоняла весь свет. И я начал её разгребать. По-глупому. По-детски.

Я рассказал ей всё. Про покос. Про список. Про письма. Про первый перевод. Про «логику чуда». Про провал франшизы и урок о человечности.

Я подошёл к окну. Внизу раздались аплодисменты — кто-то обменял ключи.

— Дальше — логика, а не магия. Мы просто собрали весь рынок в одном месте. А потом собрали всех людей. Так родилась Ярмарка. Не я её создал. Её создал их спрос на простоту, на доверие.

— Вы рассказываете это так, будто дважды два, — тихо сказала Оксана, подходя ко мне. — Но я знаю, какой это был путь. Я помню ваши глаза на последней сессии. В них была смерть.

— Путь был один, — сказал я, глядя на проходящую молодую пару. — Перестать искать одобрения. Пчела не сможет мухе объяснить, что нектар вкуснее... ну, ты поняла. Я просто рванул вперёд. Потому что отступить было некуда.

Мы помолчали.

— А письма Богу? Пишете?

Я кивнул в сторону стола.

— Вон на столе — вчерашнее. Делал пятый шаг программы. Писал о честности. О том, что Он оставил меня на свободе не для того, чтобы я страдал, а чтобы я мог всё исправить и помочь другим. И что это, видимо, и есть Любовь. Непривычное для меня слово, но... работает.

Она подошла, взяла листок. Прочла. Подняла на меня глаза. Они были влажными.

— Николай, я очень рада вашей перемене. Поздравляю. И, кажется, мне пора.

Она сделала шаг к своему пальто.

— Оксана, подождите.

Она остановилась.

— Кстати, вы — в том письме. Под номером двенадцать. В списке людей, с которыми мы движемся к целям. Без вас... без той сессии... я бы, наверное, так и сидел в том кресле, боясь спилить ветку.

Она замерла. Потом медленно положила сумку. Подошла и обняла. По-настоящему. По-дружески. Густо, тепло.

— Спасибо, — прошептала она мне в плечо. — Это... большая честь.

Потом отстранилась, вытерла глаза.

— До встречи, Николай.

— До свидания. Кстати, сейчас еду в психиатрическую больницу. Закрытого типа. Веду малую группу. Одиннадцать человек. Бывшие преступники, убийцы, наркоманы. Могу подвезти? — я сказал это нарочито буднично.

Она рассмеялась. Звонко, с облегчением, сквозь слёзы.

— Спасибо, нет. Я за эти годы сдала на права. Летаю на своей малышке. Хонде. Старой, но верной.

— Поздравляю! А я — туда. Служение тем, кто ещё страдает — мой крест. Они мне нужнее, чем я им. Это не подвиг. Это гигиена души. Чтобы не забыть, откуда вылез.

Она кивнула, всё понимая без слов. Взяла пальто и вышла.

Я остался один. Подошёл к столу, взял ту самую старую фотографию. Посмотрел на того человека. Потом повернулся к панорамному окну, к бурлящей жизни за ним. Положил фото обратно под стекло, лицом вниз.

Пусть лежит. Как удостоверение об окончании одной жизни.

Я подошёл к окну, поднял руки вверх, как бы охватывая всё это пространство — шум, суету, надежды этих людей. Мои губы сами прошептали молитву из 12 шагов:

— Боже, дай мне разум и душевный покой принять то, что я не в силах изменить, мужество изменить то, что могу, и мудрость отличить одно от другого...

Гул ярмарки за стеклом, смешиваясь с песней отца Олега Скобли, стал моим «Аминь».

ГЛАВА 9. ПОСТСКРИПТУМ, КОТОРЫЙ СТАЛ ПРОЛОГОМ

Прошло две недели. Я потихоньку начал задумываться о масштабировании. Не в формате «франшизы-коробки», а в чём-то ином. Идея зрела: 9 000 точек по стране. По одной в каждом районе. Не чтобы заработать. Чтобы служить.

Именно в этот момент, когда я стоял у того же окна, но уже видел карту страны, усыпанную точками «Ярмарок», дверь снова открылась. Без стука.

В дверях стояла Оксана. Не такая, как две недели назад. Она выглядела взволнованной. В руках — деловая папка.

— Я не могу уйти, — сказала она просто. — Вернее, ушла, но вернулась. Мысленно. Не даёт покой один вопрос.

Я обернулся. Я знал, о каком вопросе.

— Я знаю. Вы хотите спросить, не спектакль ли это всё. Не играю ли я роль исцелившегося.

Она покачала головой.

— Хуже. Я хочу спросить: что дальше? Ты достиг вершины этой горы. Кажется, что вершины. Что будет завтра? Ты... боишься сейчас?

— Раньше — да. Боялся панически. Каждый успех казался ловушкой. Сейчас... нет. Потому что это не вершина. — Я сделал паузу. — Это... стартовая площадка. Я только разбегаюсь.

Я подошёл к столу, взял папку с расчётами, картами. Протянул ей.

— Вот. Мой новый проект. Смотри как партнёр. Если захочешь.

Она взяла папку, села, открыла. Её глаза бежали по цифрам, схемам, карте России с расставленными флажками.

— Девять тысяч ярмарок? По всей стране? Николай, это безумие. Откуда такие амбиции? После всего...

— Потому что я знаю, как это сделать, — сказал я спокойно. — Нужны честные люди. Не менеджеры. Со-трудники. И триста миллионов. На первый шоурум в Чехове. Не просто помещение. Образец. Эталон. Это не мечта. Это чертёж.

— Триста миллионов... — прошептала она. — Кто тебе даст такие деньги? Твоя история, банкротство...

— Именно поэтому, — я сел напротив, глядя ей прямо в глаза, — я предлагаю не просто инвестицию. Я предлагаю войти в историю. Инвестор получит 50% чистой прибыли. Возврат вложений — за два года. Если через три года мы не выйдем на 70% плановых показателей — я лично выкуплю его долю по первоначальной цене плюс 15% годовых. Гарантирую всем, что у меня есть. Этой Ярмаркой. Своим именем. Которое теперь чего-то стоит.

Она смотрела на меня, и я видел борьбу. Борьбу между психологом, который видит маниакальную грандиозность, и женщиной, которая только что обняла человека, сумевшего переродиться.

— Ты стал другим, — наконец сказала она. — Раньше в твоих глазах горел только огонь наживы. Сейчас... там что-то другое. Ты говоришь не о деньгах. О судьбах.

— После того сна... — я замолчал. — «Самый большой грешник стал праведником». Я не праведник. Но я понял кое-что. Деньги — это как та самая коса. Инструмент. Можно им зарости, а можно — расчистить пространство для жизни. Настоящая цель — служить. Эта Ярмарка — моя служба. Миллион маленьких дел для миллионов людей, которые ищут свой дом. Не просто квадратные метры. Место, где их ждут.

Я видел, как её лицо меняется. Скепсис таял, уступая место решительности. Взгляд стратега.

— Завтра, — сказала она чётко, — у меня на сессии будет Анатолий Петрович. Он владеет сетью строительных гипермаркетов «Уютный дом». Ищет, куда вложить свободные деньги. Около трёхсот миллионов как раз. Он доверяет мне. Я поговорю с ним. Покажу твой проект. И... твою пьесу. «Отречение». Люди верят истории больше, чем цифрам.

— Спасибо, — выдохнул я.

— Но при одном условии, — её голос стал жёстким. — Если всё получится, ты выделишь в каждой Ярмарке место для психологической помощи. Бесплатной. Для тех, кто, как ты когда-то, в отчаянии. Кабинет. Рядом со стойкой информации.

Я смотрел на неё. Это было гениально. И страшно. Это встраивало в бизнес-модель самое уязвимое — человеческое страдание. Но именно это и делало её настоящей.

— Клянусь, — сказал я тихо, но так, чтобы каждое слово было отчеканено. — На первом этаже. Рядом со стойкой. Стеклопанная дверь, чтобы не было страшно зайти. Кабинет психолога. Бесплатно. Для всех.

Она кивнула.

— Тогда я с тобой. Если Анатолий Петрович согласится... моё вознаграждение за посредничество я направлю в твой благотворительный фонд. На помощь зависимым. На те самые группы. Чтобы этот круг замкнулся.

Мы смотрели друг на друга. Никаких бумаг ещё не было, но договор уже существовал. В воздухе. В этом взгляде.

Она улыбнулась. И в этой улыбке мелькнула та самая девчонка, которая когда-то мечтала менять мир.

— И, Николай... если завтра всё получится, отметим это чаем с лимоном. Как в том кафе пятнадцать лет назад. Помнишь?

Я рассмеялся. Помнил.

— С лимоном. Обязательно.

Она ушла. До завтра. До решения, которое могло перевернуть всё.

Я остался один. Шум ярмарки стихал. Люди расходились по домам, в те самые дома, которые многие из них нашли здесь.

Я подошёл к самому стеклу, упёрся лбом в прохладную поверхность. Там, в отражении, я видел своё лицо — седое, с морщинами, но со спокойными глазами. Глазами человека, который свой выбор уже сделал. Много лет назад, когда в отчаянии пополз на первую исповедь. Когда взял в руки косу. Когда написал первое письмо.

«Исчезни и возродись».

Я исчез. Тот Николай — алчный, трусливый, самоуверенный грешник — исчез. Остался... этот. Не святой. Не герой. Просто человек. Который любит. Который служит. Который боится, но идёт вперёд.

В тишине опустевшего зала зазвучала песня. «Поиграй в любовь». Я не выключал. Я стоял и слушал. И улыбался. Сквозь слёзы, которые текли сами, без боли, просто как очищение.

Занавес в театре моей старой жизни окончательно упал. А в реальной — только что поднялся.

Шла премьера. Второго акта. Под названием «Служение».

ЭПИЛОГ: ЖИЗНЬ В ТРЕЩИНАХ

Моя история — колода карт, перетасованная судьбой. В ней есть банкротства, побеги, любовь, которая выжила вопреки всему.

Если вы узнаете себя в этих строках — в страхе, в борьбе, в надежде — значит, моя тропинка нашла своего странника. А если нет — пусть она станет картой для тех, кто ещё ищет.

ЦИФРЫ, КОТОРЫЕ ПЕРЕСТАЛИ БЫТЬ ЦИФРАМИ:

- 14 лет 6 месяцев трезвости — не срок, а ежедневный выбор.
- 92 имени в списке — не враги, а учителя.
- 300 млн рублей инвестиций — не сумма, а мера доверия.
- 9 000 муниципалитетов — не план, молитва о том, чтобы в каждом уголке страны было место для честной сделки.
- 42,5 млрд потенциальной прибыли — не цель, а потенциальный объём помощи.

Программа 12 шагов научила меня не пить. Вера научила меня жить. Падения научили меня подниматься. А «Ярмарка» стала моим способом сказать: «Смотри, это возможно. Можно исчезнуть и возродиться. Начать с одного маленького дела. Например, спилить ветку. Или написать письмо. Или просто посмотреть в глаза другому человеку и сказать: „Я понимаю. Я был там. Давай попробуем вместе“».

P.S. Циклоп на стене детства исчез. Но я всё равно иногда сплю с включённым светом. Не от страха. От благодарности за то, что могу видеть этот свет. Старые привычки умирают тяжело. А новые — рождаются в боли, но живут в радости. Шучу. Или нет?

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ. НАЧАЛО — В КАЖДОМ ИЗ НАС.

Глава 1. Синдром самозванца наоборот

Успех — это джинн, которого я выпустил из бутылки. Сначала он исполнял желания: слава, деньги, влияние. Потом стал требовать всё больше души в качестве платы. А ведь когда-то я боялся его даже в микроскопических дозах. Этот страх был моей второй кожей, родовым проклятием, переданным по наследству вместе с фамилией и цветом глаз.

Он тянулся корнями туда, в заполярный посёлок Харп, где в пятилетнем возрасте я впервые понял слово «бросили». Моя детская вселенная тогда раскололась надвое. Одна половина — цветущая Украина, бабушкины пироги, тёплые летние вечера во дворе. Другая — жёлтые листья на перроне Воркуты, пронизывающий ветер тундры и чувство, что я — чемодан, который сдали на временное хранение. Родители уехали на заработки, на Север, и я остался. Мой детский мозг, не знающий полутонов, вынес вердикт: меня оставили. Я был ненужным грузом.

Полгода спустя они забрали меня к себе. Я помню, как выходил из вагона, укутанный в бабушкину шаль, и увидел маму. Она показалась мне чужой. А потом была дорога, долгая и утомительная, в посёлок за полярным кругом, где половина населения сидела в зонах строгого режима, а вторая половина их охраняла. И были те, кто приезжал сюда за длинным рублём — и уезжали, нагруженные деньгами. Моя семья оказалась там по другой причине. Об этой причине говорили шёпотом, но я всё слышал, притворяясь спящим на кухонном диване.

Мой отец, Павел, был гением и неудачником в одном лице. Инженер-конструктор, музыкант от Бога. В советское время, когда бизнес был теневым искусством, у него было погоняло «Паша-бизнес». Он писал музыку на рентгеновские снимки — «на костях» — и продавал. У него была студия с аппаратурой за целое состояние. А потом он сел играть в карты со своими же дворовыми друзьями, теми, кто позже станет блатной элитой. Игра длилась двое суток. Ему не давали встать из-за стола, пока он не проиграл всё: аппаратуру, репутацию, будущее. Он остался должен. И нам пришлось бежать. Не к мечте, а от долгов. Так я, шестилетний мальчик, стал сыном Паши-банкрота.

Каждое лето меня отправляли на Украину, на «историческую родину». И родственники, желая «благого», водили меня по улицам и показывали: «Вон, видишь

этот двухэтажный дом с колоннами? Это дом того самого дяди Вадима, который обыграл твоего отца. Живёт, как король». И я смотрел. И видел несправедливость мироздания. Мой умный, талантливый отец ютился в бараке на краю земли, а этот, с пустым взглядом картёжника, жил во дворце. И во мне зародилось не детское желание: я стану Игроком. Не таким, как отец — проигравшимся. А таким, как они — тем, кто выигрывает всегда. Я не понимал тогда, что желаю стать тем, кого презираю. Но разве детские травмы спрашивают разрешения?

Прошло два года с момента запуска театрально-франчайзингового «симбиоза». Цифры были впечатляющими: 87 театров, 412 франшиз, оборот в миллиардах. Я летал между городами как проповедник новой религии — религии второго шанса. Моё лицо с седой бородой мелькало на обложках журналов. Меня цитировали. Но всё чаще перед выступлением меня начинало тошнить. Не метафорически, а физически. Я запирался в гримёрке и стоял над раковиной, глотая воздух, пока спазм не отпускал. Это была паническая атака. Атака моего старого страха, который теперь принял новую, изощрённую форму. Раньше я боялся провала. Теперь я ужасался успеху. Потому что чем выше взлетаешь, тем страшнее осознавать, что ты — самозванец, и рано или поздно тебя разоблачат.

Диалог в гримёрке театра в Екатеринбурге:

— Николай Иванович, через пять минут выход, — постучала ассистентка Ира, заглядывая в дверь. — Зал полный, два тысячных зала соединены! Журналисты, блогеры, даже телевидение...

— Спасибо, Ира, — кивнул я, не отрываясь от зеркала. Лицо с аккуратно подстриженной седой бородой выглядело мудрым, почти библейским. «Маска готова, — подумал я. — Можно выходить». Только глаза... глаза были пустыми, как окна заброшенного дома. В них не было того огня, который когда-то зажигался от одной мысли о сцене. «Два зала. Две тысячи человек. А помнишь, Коля, свой самый первый зал? Тот, в актовом зале Донецкого ПТУ №9, где ты, трясаясь как осиновый лист, пытался взять баррэ на гитаре, чтобы тебя взяли в образцово-показательный ансамбль? Ты так хотел петь! Это была детская мечта. И когда тебя взяли — что ты сделал? Сбежал. Испугался, что станешь звездой училища, что к тебе будут тянуться, а потом всё равно придётся уйти. Уйти первым, чтобы не быть брошенным. Старая, как мир, тактика твоего внутреннего ребёнка».

В дверь, не стучась, заглянула Марина — молодая, дерзкая продюсер, лицо нашего проекта. Её энергичность резала затхлый воздух гримёрки, как лезвие.

—Николай, святой отец наш, — сказала она с лёгкой иронией, которую только она могла себе позволить. — Перед выходом — последний инструктаж. Сегодня в первом ряду сидят не просто богатые люди. Там потенциальные инвесторы из Цюриха. Швейцарские часы и швейцарские счета. После спектакля — ужин в «Итальянском квартале». Лёгкое, душевное общение. И главное — не забудьте историю про Париж! Про то, как вы в одних трусах искали зарядку. Они это обожают! Это же ваша визитная карточка — успешный, но человеческий. Бизнесмен, который может посмеяться над собой. Это продаётся лучше любой статистики.

—Значит, сегодня я снова буду клоуном, — усмехнулся я, чувствуя, как знакомая кислота подступает к горлу.

—Не клоуном, — поправила Марина, её взгляд стал твёрдым и деловым. — Вы будете живым доказательством, что искренность — это самый дорогой товар на рынке. Это разные вещи. Людям уже не нужны гладкие истории успеха из глянца. Им нужны шрамы. Им нужна история падения, из которого можно подняться. Вы — ходячая, дышащая надежда. Не забывайте об этом. Вы — продукт. И этот продукт должен быть безупречным.

Она вышла, оставив после себя шлейф дорогих духов (что-то резкое, восточное) и тяжёлый, металлический привкус на языке. «Ходячая надежда. Продукт». Я закрыл глаза, пытаюсь заглушить нарастающую тошноту. Передо мной поплыли не огни Екатеринбурга, а другие картины. Чехов, середина девяностых. Кабинет директора легендарного мебельного комбината, который гремел на весь Союз. Стол, заваленный отчётами о многомиллиардных долгах. Я, молодой, наглый, полный идей, только что отбарабанивший свой план по спасению предприятия. В кабинете — директор, его замы, юристы, бухгалтера. И мой отец, которого я взял с собой для уверенности. Директор, седая акула советской промышленности, выслушал меня, не перебивая. А потом встал, обвёл всех взглядом и, глядя прямо на отца, сказал: «Павел, твоего парня нам надо ставить во главе завода. Пусть вытаскивает. У него горят глаза». Вся мощь, весь авторитет этого человека были в этих словах. А я... Я услышал свой собственный голос, плоский и холодный, как ледяная крошка: «Нет, спасибо. Чехов — не для меня». Я отринул это, как когда-то отринул предложение стать мэром своего посёлка. «Деревенское мышление — не выделяться. Мне нельзя быть успешным». И ведь тогда я сам себе не признался, что это — животный страх. Я рационализировал, находил «причины»: «Что такое этот Чехов? Где он и где мой заполярный круг? Кто я такой, чтобы управлять гигантом?» Ложь. Глубочайшая, патологическая ложь самому себе. Синдром самозванца в чистом виде. И я пронёс его через всю жизнь, как крест.

Зал аплодировал стоя. Гром, рёв, сметающий всё на своём пути. Цветы летели на сцену. Женщины вытирали слёзы. Мужчины смотрели с немим восхищением. Я

кланялся, улыбался, ловил букеты. И чувствовал себя актёром в самом плохом спектакле. Когда занавес закрылся, ко мне прорвалась пожилая женщина, лет семидесяти. Её лицо было изборождено морщинами, как высохшая земля. Она упала передо мной на колени, схватила мою руку и прижалась к ней губами.

—Вы — святой! — выдохнула она, и слёзы текли по её щекам, застревая в глубоких складках. — Вы дали мне силы простить. Мой сын... он алкоголик. Пропил всё. Я ненавидела его. Хотела, чтобы он сдох. А после вашего спектакля... я позвонила ему. Впервые за пять лет. Сказала, что приеду. Вы — ангел, посланный Богом!

Я наклонился, поднял её, обнял за покатые, хрупкие плечи. Улыбнулся — той самой, отрепетированной, тёплой улыбкой, которая хорошо смотрелась на камеру. Произнёс заученные слова: «Это не я, матушка. Это Божья милость. Каждый заслуживает шанса. И ваше сердце было готово его услышать». А внутри... внутри была ледяная, звонкая пустота. И голос, который я старался не слышать, издевательски шептал: «Святой? Ты, который в армии, в учебке, обыгрывал сослуживцев в карты, подтасовывая колоду? Ты, который научился “заряжать” её у дагестанца в общежитии, мечтая стать великим “Игроком”, как те ублюдки, что разорили отца? Ты, который вчера орал на молодого маркетолога, потому что он не уложился в KPI по привлечению франчайзи? Ты, который уже месяц не был на группе в психбольнице, потому что “слишком важные встречи”? Святой. Отличная шутка. Прямо гениальная».

На следующий день в моём кабинете, с панорамным видом на Москва-Сити, Оксана сидела напротив, пила кофе и смотрела на меня так, будто видела насквозь. Она всегда умела это делать.

—Ты выглядишь как выжатый лимон, который ещё и забыли в холодильнике, — сказала она без предисловий. — Засохший и бесполезный.

—Спасибо за лесть, — процедил я, наливая себе воды. Рука дрожала. — Не высыпаюсь. Дела.

—Не дела, — поправила она, отставив чашку. — Ты бежишь. Не вперёд, а по кругу. И ты отлично знаешь, от чего. От себя. От того парня с косой, который пах потом и землёй. Он был настоящим. А этот... — она кивнула в мою сторону, — этот начинает верить в собственную святость. А это, поверь мне, в тысячу раз опаснее, чем верить в свою греховность. Грешник хотя бы знает, что ему есть куда падать. А святой, возомнивший о себе, падает с такой высоты, что разбивается вдребезги.

Мы помолчали. За окном кипела жизнь мегаполиса, а в кабинете повисла тишина, густая и неловкая.

—Помнишь нашу первую сессию? — наконец сказала Оксана. — Ты тогда боялся успеха. Настоящего, экзистенциального страха. Ты говорил, что успех — это как яркий свет: он высвечивает все твои изъяны, все шрамы. Сейчас ты получил этот свет в самом полном объёме. И что? Где твоя радость? Где твоё удовлетворение?

Я резко обернулся от окна. В груди что-то клокотало.

—А что я должен чувствовать, по-твоему? Блаженное ничегонеделание? Я меняю жизни, Оксана! Тысячи людей! Они пишут, звонят, благодарят!

—Ты управляешь системой, которая меняет жизни, — уточнила она, как хирург, проводящий тончайший разрез. — Почувствуй разницу. Раньше ты держал Василия за руку, когда у него была белая горячка и он кричал, что по стенам ползают пауки. Ты ночевал в больничном коридоре, чтобы быть рядом. Сейчас ты подписываешь бумаги, чтобы нанять ещё десять психологов для «зоны помощи» в новых франшизах. Ты видишь их не в лицо, а в отчёте о социальных расходах. Это не хорошо и не плохо. Это просто... другая вселенная. И ты в ней заблудился.

— Ты думаешь, я продался? — спросил я, и в голосе прозвучала та самая горечь, которую я так тщательно скрывал ото всех.

—Нет, — она покачала головой, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на жалость. — Продаться — это сознательный выбор. Ты же не выбирал. Ты просто уснул за рулем собственной легенды. И теперь едешь на автопилоте. Тебе нужно срочно проснуться. Или врезаться.

После её ухода я не просто достал из сейфа старую тетрадь. Я зарылся в самый низ, туда, где под папками с многомиллионными договорами и отчётами лежал маленький, потрёпанный чемоданчик. В нём хранились артефакты моей «прошлой» жизни, той, что была до «Ярмарки», до успеха, до покаяния на публику. Там лежала та самая, истрепанная тетрадь в коленкоровом переплёте с письмами Богу, написанными в состоянии отчаяния, страха и первой, робкой надежды. И... колода карт. Засаленная, с потрёпанными, закруглившимися от времени уголками. «Атласные», помнится, назывались. Я не брал её в руки лет пятнадцать. Когда-то, в начале своего пути трезвости, я дал себе зарок: в моей жизни карт больше не будет. Я выбросил все колоды, которые нашёл. Но эту одну — спрятал. Не как реликвию, а как улику. Как неоспоримое доказательство против себя. Как напоминание о том, кем я был на самом деле.

Я перечитал запись трёхлетней давности, сделанную корявым, нервным почерком: «Господи, я боюсь успеха. Потому что успех — это ответственность. Это глаза людей, которые на меня смотрят. Это страх, что я их подведу. Что окажусь не тем, кем меня считают. Что за красивой обложкой окажется пустота. Помоги мне. Или... не дай мне этого успеха. Лучше останься я никем, но честным».

«Не дай мне этого успеха»... Какая ирония. Бог, видимо, не услышал. Или услышал, но решил преподать урок.

И тогда я сел за чистый лист. Не в тетрадь, а на белом, дорогом бланке с логотипом «Ярмарки». Я взял ручку и вывел заголовок: «Страхи Николая. Негативные сценарии. Контрмеры». Когда-то, на заре своего бизнеса, я проводил тренинги по преодолению страха неудачи. Техника была проста: выписать худшее, что может случиться, и напротив — план действий. Я решил применить её к самому себе. К своему страху успеха.

1. Сценарий: Меня разоблачат. Узнают, что я не святой, а грешник, который падал ниже некуда. Алкоголик. Картёжник, обыгрывавший доверчивых. Сиделец. Человек, который благословлял жену на аборт. Узнают — и отвернутся. Мой проект рухнет.

· Контрмеры: Самому рассказать. Всю правду. Написать книгу? Нет, слишком пафосно, похоже на пиар. Рассказать здесь и сейчас, со сцены. Но... это убьёт проект. Инвесторы сбегут. Значит, контрмера не работает. Или работает, но ценой всего.

2. Сценарий: У меня всё отнимут. Бизнес, деньги, репутацию. Как отняли у отца за карточным столом. Придут «сильные» люди и заберут моё детище. Или государство. Или партнёры.

· Контрмеры: Сделать структуру максимально прозрачной и распределённой. Передать доли в неприкосновенный фонд. Но я уже это сделал... Почему же страх не ушёл? Потому что они могут отнять не компанию, а меня. Мою личность. Сделать из меня марионетку.

3. Сценарий: Я не выдержу. Сорвусь. В запой. В беспамятство. В тюрьму. И все, кто поверил в меня, все эти тысячи людей, рухнут вместе со мной, как картонный домик.

· Контрмеры: Держаться программы. Ходить на группу. Быть в контакте с наставником. Молиться. Но я же уже месяц не был на группе! «Дела». Я пропускаю звонки своего спонсора. Я перестал вести дневник чувств. Контрмеры есть, но я ими не пользуюсь. Значит, я сам себя веду к краю.

Я смотрел на этот список, и каждый пункт бил в одну точку, в самое уязвимое место: «Ты — самозванец. Ты не достоин. Ты обманщик».

И тут мой взгляд упал на колоду карт, лежавшую рядом с тетрадью. Я медленно, почти против воли, потянулся к ней. Взял в руки. Старая, знакомая тяжесть. Пахла пылью, временем и чем-то ещё — потом ладоней, табачным дымом, страхом и азартом. Я перетасовал её. Пальцы, казалось, сами вспомнили движения, давно стёртые из сознательной памяти. Чёткий, отточенный флориш. Снял. Разложил три карты рубашкой вверх на столешнице из чёрного гранита.

«Выбери даму пик, Николай, — прошептал внутренний голос, голос того двадцатилетнего солдата. — Как в армии. Как тогда, когда ты чувствовал себя всемогущим, обыгрывая доверчивых соседей по казарме в “под спички”. Ты был богом в этом мире. Где этот бог теперь?»

Я повернул одну карту. Туз бубен. Блестящий, наглый, совсем не то, что я загадал. Внезапный, дикий, почти истерический смех вырвался из моей груди. Смех до слёз, до боли в рёбрах. Вот он, итог. Николай Иванович, духовный лидер, основатель социального предприятия с миллиардными оборотами, «ходячая надежда» нации, сидит в кабинете с видом на символы капитализма и гадает на засаленной колоде карт, достоин ли он всего этого. Достоин ли он любви этих людей, их доверия, их слёз.

«Нет, — прошептал я, смывая слёзы ладонью. — Не достоин. Никто не достоин. Но, кажется, в этом и есть маленькая, уродливая правда. Не в том, чтобы быть достойным. А в том, чтобы, будучи недостойным, всё равно пытаться идти. И быть честным в этой недостойности».

Я спрятал колоду обратно в чемоданчик. Но тетрадь и лист со списком страхов оставил на столе. Начало было положено. Не исцеления. Нет. Слишком рано об этом говорить. Было положено начало признания. Признания в том, что я — не Николай Иванович, успешный основатель «Ярмарки». Я — Коля. Сын проигравшегося Паши-бизнеса. Бывший картёжник, мелкий шулер. Алкоголик с многолетним стажем. Сиделец, видевший жизнь «с той стороны». Человек, который до дрожи боится своего же успеха. И, возможно, только с этого — с этой грязной, неприглядной правды — можно начать путь назад. Не к успеху, а к себе. Если, конечно, ещё не слишком поздно.

Звонок телефона вырвал меня из раздумий. На экране — лицо дочери Кати. Я вздохнул и нажал «принять». Пора возвращаться в роль. Роль, которая становилась теснее с каждым днём.

Глава 2. Трещины в «Святой Троице»

Наш альянс — я, Оксана и Анатолий Петрович — начал напоминать старый рояль, на котором пытались сыграть концерт для фортепиано с оркестром три глухих тунгуса. Каждый тянул струны в свою сторону, и вместо музыки получался вой, от которого сводило зубы.

Совещание в переговорной «Ярмарки» на двадцатом этаже. За стеклом — Москва, залитая осенним солнцем, город, который я когда-то мечтал покорить, а теперь ненавидел всей душой. Анатолий Петрович разложил перед собой бумаги с убийственной аккуратностью. Его презентация была шедевром цинизма.

— Коллеги, — начал он, и в его голосе не было ни капли того энтузиазма, с которым три года назад он слушал мою идею о «спасении через труд и общину». — Давайте смотреть правде в глаза. Наши «социальные» франшизы в малых городах — это чёрная дыра. Рентабельность — 12%. Это не бизнес, это благотворительность в особо извращённой форме, где мы ещё и платим за право ей заниматься. Основная статья расходов — ваши «кабинеты психологической помощи». Они съедают до 30% потенциальной прибыли. Инвесторы нервно курят в сторонке. Предлагаю очевидное решение: сделать помощь платной. Хотя бы символически — 500 рублей за сеанс. Это отсеет халявщиков и даст хоть какую-то доходность.

— Мы не можем, — сказал я, и даже мне мой голос показался хрупким, как тонкий лёд. — Это было основное условие, наш краеугольный камень. Помощь должна быть доступна любому, даже если у него в кармане только дыры. Иначе в чём смысл? В чём наше отличие от любой другой сетевой помойки?

— Условие, данное три года назад, когда мы были стартапом с горящими глазами и пустым карманом! — Анатолий Петрович повысил голос, и его идеально выбритые щёки покраснели. — Сейчас мы — крупный, взрослый бизнес с оборотом в миллиарды! У нас сотни сотрудников, тысячи франчайзи, обязательства перед людьми, которые вложили в нас свои кровные! Мы не можем позволить себе роскошь спасать каждого бомжа с района! Бизнес — это не благотворительный фонд!

Оксана, сидевшая до этого молча, сцепив руки на столе, подняла на него глаза. В её взгляде не было гнева, только усталая печаль.

—Анатолий Петрович, вы помните, почему вы вообще вложились в этот проект? — спросила она тихо. — Не из-за этих графиков. Не из-за потенциальной доходности в 40%. Вы вложились в историю. В историю падения и подъёма. В смысл. Как только мы вытащим этот стержень, мы превратимся в очередную сеть по продаже недвижимости или пластиковых окон. Таких — десятки тысяч. И мы умрём. Медленно и неинтересно.

— Смысл не должен быть убыточным! — стукнул кулаком по стеклянному столу Анатолий Петрович. Зазвенела вода в стаканах. — Вы оба, простите, витаете в облаках! Николай, ты должен, наконец, определиться! Либо ты — святой отец, раздающий милостыню у ворот монастыря, либо ты — эффективный руководитель, который отвечает за жизнь целой системы! Системы, которая кормит тысячи семей! Нельзя быть и тем, и другим на таком уровне!

— Я пытаюсь быть и тем, и другим! — выкрикнул я, и моё эхо болезненно ударилось о стены. — Почему это невозможно? Почему помощь и эффективность должны быть по разные стороны баррикад?

— Потому что так устроен мир! — холодно, отчеканивая каждое слово, произнёс он. — Посмотри на цифры последнего квартала. Три франшизы обанкротились. Владельцы — твои бывшие подопечные из первой программы. Хорошие, исстрадавшиеся люди. Герои твоих вдохновляющих постов. И никудышные управленцы! Они не могут вести отчётность, не могут мотивировать сотрудников, не могут говорить «нет». Они — сердце проекта. И они же — его ахиллесова пята. Бизнесу нужны профессионалы. Холодные, расчётливые, эффективные. А не вечные пациенты.

В этот момент, словно по сигналу режиссёра самой похабной мелодрамы, дверь в переговорную распахнулась с такой силой, что ударилась об стену. В комнату ворвался Василий. Мой Василий. Подопечный из самой первой группы в психбольнице, которого я три года назад, движимый порывом спасти весь мир, устроил администратором на одну из первых «Ярмарок». Он был красен, пот стекал по вискам, дыхание сбилось.

— Николай! Они... они хотят меня уволить! — выпалил он, не обращая никакого внимания на Анатолий Петрович, на Оксану, на всю эту духоту переговорной. — Говорят, я «не соответствую корпоративной культуре»! Какой, на хрен, культуре?! Я работаю! Не пью! Прихожу! Что им ещё надо?!

Я вскочил, чувствуя, как земля плывёт у меня под ногами.

— Вася, успокойся. Глубоко вдохни. Кто хочет тебя уволить? Говори по порядку.

— Его непосредственный начальник, — ровным, не терпящим возражений голосом произнесла женщина, вошедшая следом за Василием. Наша HR-директор, Елена. В её руках была папка. — Николай Иванович, Василий систематически опаздывает на 15-20 минут. Срывает все сроки по сдаче ежемесячных отчётов. А вчера... — она открыла папку, — он нахамил клиентке, которая пришла смотреть квартиру. У нас есть её письменная жалоба и показания двух свидетелей.

— Я не хамил! — заорал Василий, и в его глазах стояли слёзы бессильной ярости. — Я просто сказал правду! Эта... эта дамочка с силиконовыми губами два часа ходила и ныла про «энергетику пространства», про «плохой фэн-шуй» и что «стены не дышат»! Я сказал, что если ей нужна хата, а не храм космической гармонии, то пусть не занимается ерундой! Бред же! Полный бред!

Анатолий Петрович наблюдал за этой сценой с видом человека, который смотрит предсказуемо плохой спектакль. Его лицо было спокойно, почти бесстрастно.

— Вот наглядный пример, Николай, — произнёс он тихо, но так, что каждое слово прозвучало как приговор. — Милосердие — прекрасная, возвышенная вещь. Но бизнес — это, прежде всего, система. Механизм. В нём есть правила, процедуры, KPI. В системе нет и не может быть места личным симпатиям, благодарностям прошлого и сантиментам. Она перемалывает всё это, как мясорубка.

— Он человек, Анатолий Петрович! — огрызнулся я, чувствуя, как по спине ползёт холодный пот. — А не винтик в твоём безупречном механизме!

— В бизнесе все — винтики, — отрезал он, собирая свои бумаги. — Включая тебя. И меня. Нас ценят ровно до тех пор, пока мы выполняем свою функцию и приносим прибыль. Я даю тебе месяц. Либо показатели по «социальным» франшизам и дисциплина улучшаются, либо мы выносим вопрос о реструктуризации и

оптимизации штата на общее собрание акционеров. Включая увольнение «неэффективных кадров». — Он бросил последний взгляд на Василия, который стоял, опустив голову, и вышел. Его шаги отстукивали по паркету чёткий, безжалостный ритм.

Оксана тяжело вздохнула и поднялась.

—Вася, давай пройдем ко мне, поговорим спокойно. Разберемся.

—Не надо, — буркнул он, не поднимая глаз. — Я и так всё понял. Я — неэффективный кадр. — Он посмотрел на меня, и в его взгляде была не злоба, а страшная, обжигающая жалость. — Прости, препод. Подвёл. Опять.

Когда они вышли, я остался один в огромной, сияющей стерильной чистотой переговорной. Панорамное окно предлагало вид на империю, которую я построил. И я поймал себя на мысли, что ненавижу этот вид. Ненавижу эти стеклянные гробы, упирающиеся в серое небо, эту вечную, бессмысленную суету внизу, этот гон по кругу, где приз — одиночество на вершине.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение от дочери. Катя. «Пап, Максиму плохо. Температура 39.5, врач скорой сказал, подозрение на воспаление лёгких. Я в панике. Ты сможешь приехать?»

Я посмотрел на экран календаря. Через два часа — встреча с немецкими инвесторами, ключевая для выхода на европейский рынок. Вечером — прямое включение на федеральном канале. Завтра утром — вылет в Казань на открытие нового центра. Расписание, выверенное до минуты. Расписание моей жизни.

Пальцы сами вывели ответ: «Катюш, родная, я дико занят, горит всё. Деньги на лекарства, на лучшего врача, на что угодно — скину сейчас. Держитесь. Целую крепко».

Я отправил сообщение. И сразу же, физически, почувствовал тошнотворный, медный привкус стыда во рту. Опять. Снова. Я выбираю. Я делаю выбор каждый день. И снова выбираю не их. Сначала я выбирал водку. Потом — бизнес. Потом — «миссию». Инструменты менялись, а суть оставалась прежней: я бежал от своей жизни, от своей ответственности, в какую-то другую, надуманную реальность, где я был героем,

спасителем, важным человеком. А они... они всегда были на втором плане. Фоном. Статистами в спектакле моей великой святости.

Я вышел из переговорной и пошёл не в свой кабинет, а в противоположную сторону — к лифтам. Мне нужно было воздуха. Нажимая кнопку, я вдруг вспомнил другой лифт. Не здесь, а в гостинице в Париже, десять лет назад. Ту самую историю, которую Марина просила рассказывать инвесторам. Тогда это казалось смешным анекдотом. Сейчас я видел в нём страшную метафору.

Воспоминание. Париж, 2013 год.

Мне было сорок, вес — под сто сорок, и я ненавидел себя. Но внешне — успешный риэлтор, привезший семью в Диснейленд. На седьмой день я свалился в номере от усталости, а дочери с женой ушли за сувенирами. Села батарея телефона. Зарядка — в их номере. Я, в одних трусах и желтых мокасынах, выскользнул из своего номера с двумя карточками-ключами в одной руке. Огляделся — в коридоре никого. Пробежал по диагонали к их двери. Вставил карту. Не открылось. Попробовал другую. Тоже. Паника, тихая и липкая, поползла из живота. «Наверное, свет вырубili». Позвонил жене, шипя в трубку: «Бросай всё, беги сюда с администратором!»

Прошло двадцать минут. Тридцать. Телефон умер. И тут из лифта этажом выше вышли два человека. Один из них — высокий афроамериканец в форме работника отеля. Он начал спускаться по лестнице прямо на меня. На меня, полуголого русского медведя в трусах, застрявшего между двух дверей в центре Парижа.

Что я почувствовал? Не стыд. Не страх. Я почувствовал дикий, неконтролируемый азарт. Это была задача. Проблема, которую нужно решить. Как карточную комбинацию. Как сложную сделку. Я оскалился в самой дружелюбной улыбке и двинулся ему навстречу.

—Бонжур! — сказал я, а потом, на ломаном английском: — Плиз, хелп ми! Ван миньгг!

Он замер, глаза стали как блюдца. Я, не спеша, взял карту от своего номера, показал ему, потом показал на цифру 30 на двери. Медленно, как фокусник, вставил карту в щель. Нажал на ручку. И — о чудо! — дверь открылась. Я кивнул ему, как гроссмейстер, сделавший красивый ход, и нырнул в номер.

Когда жена и дочь вернулись, я лежал на кровати и пытался дышать ровно.

—Почему так долго? — спросил я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Дочь, пятнадцатилетняя Катя, флегматично ответила: «Мама, я же говорила, папа просто соскучился и прикалывается».

Тогда это было смешно. Сейчас, стоя у лифтов в моём собственном empire state building, я понимал: ничего не изменилось. Весь мой путь — это попытка открыть не ту дверь с помощью не того ключа, попасть в ловушку между двумя мирами и потом, с помощью какого-то невероятного, клоунского фокуса, вывернуться, чтобы зрители аплодировали. А потом лечь и пытаться отдышаться. Одному.

Лифт приехал. Я зашёл внутрь и нажал не на кнопку «1» (входная группа), и не на кнопку «25» (мой кабинет). Я нажал на «-2». Подземная парковка. Я сел в свой чёрный, неправдоподобно дорогой внедорожник, символ достигнутого успеха, и просто сидел, уставившись в темноту.

В голове, помимо воли, всплыли цифры. Не те, что были в отчёте Анатолий Петровича. Другие. 1996 год. «Газпром». Девять миллиардов старых рублей, пришедшие на мой счёт за успешно проведённые переговоры от имени северян. Девять миллиардов. Я не видел их. Не чувствовал. Для меня это были не деньги, а какая-то абстракция, угроза, груз. И я сделал всё, чтобы от них избавиться. Инвестировал в откровенно провальные проекты, дал в долг «нуждающимся» партнёрам, которые тут же исчезли, купил кучу ненужного хлама. Я сжёг эти деньги, как сжигают улики. Потому что боялся. Боялся ответственности. Боялся, что меня ограбят, убьют, посадят. Боялся успеха. Настоящего, большого успеха, который требует соответствовать. Я предпочёл остаться в зоне комфорта — в зоне «талантливого неудачника», «многообещающего парня», который вот-вот сорвёт куш, но никогда не делает этого.

И вот теперь успех всё-таки настиг меня. Не в деньгах даже. В масштабе. В ответственности. В этих глазах, что смотрят на меня с надеждой. И мой старый страх облачился в новую тогу. Он стал называться «синдромом самозванца». Я не боялся, что у меня отнимут. Я боялся, что все поймут, что мне нечего было отнимать. Что я — пустышка.

Телефон снова завибрировал. Анатолий Петрович. Я отклонил звонок. Завёл машину. Рёв двигателя заглушил все мысли. Я выехал из подземелья на улицу, в поток машин. Ехать было некуда. Не домой — там меня не ждали. Не на встречу — тошнота возвращалась. Я просто ехал, куда глядели глаза.

И случайно (хотя я уже не верил в случайности) свернул в сторону того самого района, где на набережной стоял храм. Тот самый, в котором двадцать лет назад, пьяный и оборванный, я кричал на Бога: «Я от Тебя отрекаюсь! Дай мне денег, а там посмотрим!»

Я припарковался на пустынной набережной. Шёл моросящий дождь. Я не вышел из машины, просто смотрел на золотые купола, темневшие на фоне свинцового неба.

«Господи, — прошептал я. — Вот и вернулся. Только тогда я отрекался от Тебя ради денег. А сейчас... Сейчас я от Тебя не отрекаюсь. Я использую Тебя. Я сделал Тебя частью своего бренда. «Духовное возрождение через труд». Красиво, да? Я торгую покаянием. Я продаю надежду. И мне становится так противно, что хочется вывернуться наизнанку. Что делать? Подскажи. Я запутался. Я потерял и семью, и себя, и, кажется, даже Тебя».

В ответ был только шум дождя по крыше и далёкий гудок теплохода. Никакого озарения. Никакого божественного гласа. Только тишина. И в этой тишине я вдруг ясно осознал: следующий шаг будет самым страшным. Потому что он потребует не красивых слов, не спектакля, не «контрмер». Он потребует действия. Настоящего. Без гарантий. И я к нему не готов. Ещё нет.

Я завёл машину и поехал на встречу с немцами. Надевать маску. Улыбаться. Рассказывать историю про Париж. Играть роль. Ещё немного. Ещё одну главу. А там... посмотрим.

Глава 3. Атака с двух фронтов

Внешний мир, который сначала рукоплескал, обнажил клыки. И оказалось, что они растут с двух челюстей сразу — церковной и светской. Будто два зеркала, поставленные друг напротив друга, в которых я увидел своё уродливое отражение с разных сторон.

Встреча с игуменом Анатолием (Старцевым).

Игумен Анатолий был сухим, аскетичным мужчиной с пронзительными глазами цвета старого льда. Он медленно пил чай из простой глиняной кружки, не глядя на мои распечатанные графики.

—Батюшка, я пытаюсь донести, что проект — не профанация, — начал я, чувствуя, как ладони становятся влажными. — Мы реально помогаем людям. Сотни семей нашли кров. Десятки тех, кого списали со счетов, получили работу и смысл.

—Помогаете, — повторил он без интонации, поставив кружку. — А своей душе помогаете?

—Я... стараюсь, — смутился я, и это прозвучало фальшиво даже для моих ушей.

—Вижу, — он кивнул в сторону моего телефона, лежавшего на грубом столе. — Айфон последней модели. Часы швейцарские. Костюм... Армани? Сколько такой стоит? Тысяч пятьдесят? Шестьдесят? На зарплату «спасителя» не потянуть.

—Это... нужно для имиджа, — пробормотал я, защищаясь. — Встречи с инвесторами, переговоры... Люди верят тому, кто выглядит успешным.

—Христос с апостолами тоже для имиджа рыбачили? — спросил он мягко, но эта мягкость была острее ножа. — Или всё-таки чтобы есть было что? Ты, Николай, запутался в собственных сетях. Ты начал с покаяния — искреннего, горького, выстраданного. А закончил — пиаром покаяния. Разницу чувствуешь?

—Но ведь добрые дела делаю! Людям легче!

—Добрые дела делают тихо. А ты трубишь о них на каждом углу. «Посмотрите, какой я хороший! Как многих я спас!» Это уже не добродетель. Это тщеславие. Опаснейший из грехов, Николай. Потому что он единственный, который умеет мастерски маскироваться под добро. Под служение. Он крадёт у Бога саму суть милосердия, оставляя лишь пустую, гремящую оболочку.

Каждое его слово било не в бровь, а в глаз. Я молчал, сжавшись внутри.

—Статья моя тебя задела? — спросил он.

—Да, — честно выдохнул я. В той статье в церковном издании меня называли «торговцем надеждой» и «создателем секты успеха под видом православия».

—И правильно задела. Потому что в ней — правда. Горькая, но правда. Ты — торговец. Только товар у тебя не обычный — не нефть и не квартиры. Ты торгуешь душевным спасением. Ты взял свою боль, свою историю греха и покаяния, упаковал в красивую, гляцевую обёртку с логотипом и выставил на продажу. И люди покупают. Охотно. Потому что им тоже хочется быстрого спасения. Без креста. Без настоящего, выворачивающего душу наизнанку покаяния. Без смирения. Ты продаёшь им билет в первый класс по дороге в Царствие Небесное. И они верят, что купили его.

—Я не продаю спасение! — взорвался я, вскакивая. — Я делюсь опытом! Я показываю путь!

—За деньги? — тихо, почти шёпотом, спросил он. — За миллиарды оборотов? За франшизы? За публичные выступления с гонораром, как у рок-звезды?

Я замолчал. Потому что ответ был «да». Огромное, оглушительное «ДА».

—Уходи, Николай, — сказал игумен, отодвигая кружку. — Пока не поздно. Вернись к тому, с чего начинал. К тишине. К молитве, в которой нет зрителей. К служению без аплодисментов. Иначе... — он посмотрел на меня, и в его взгляде была не злоба, а бесконечная скорбь, — иначе ты погубишь не только себя. Ты погубишь тех, кто тебе поверил. Ты утянешь их за собой в ту пропасть, которую сам для себя роешь.

Я вышел из монастыря в осенний дождь. Стоял под холодными струями, не чувствуя ни холода, ни влаги. Его слова жгли изнутри сильнее любой кислоты. Они срывали все покровы, обнажая страшный каркас моей деятельности. Я был не проповедником, а менеджером. Не служителем, а бренд-амбассадором. И самое ужасное — где-то в глубине души я это знал. Всегда знал.

Воспоминание-призрак: СИЗО.

По дороге в машину меня накрыло воспоминанием. Резким, как удар током. Не Париж. Не успех. А тюрьма. Следственный изолятор. 28 дней в камере, где на восемнадцать человек — двенадцать коек. Вонь, теснота, страх. И тот самый момент, когда «смотрящий» за камерой, бритый наголо детина с зелёными глазами змеи, спросил: «А ты по жизни кто? Как кличка?»

Я понял, что не могу назвать своё имя. Оно было осквернено, скомкано, закидано грязью. И я, чтобы не дать им власти надо мной, чтобы не получить унижительную кличку, выпалил первое, что пришло в голову: «Автор. Я — Автор».

В той камере, на нарах, я начал писать свою первую пьесу. О страхе. О падении. О Боге, которого там, за решёткой, ощущалось как острую нехватку воздуха. Смотрящий сказал: «Брось писать. Всё равно отнимут, сожгут». И я бросил. Из страха. Я стал Автором, который боится писать. И вот теперь, спустя годы, я стал Спасителем, который боится спасать. Ничего не изменилось. Только декорации.

Прямой эфир.

В тот же вечер был прямой эфир на федеральном канале. Программа «Право голоса», ведущий — молодой, агрессивный, с хищной улыбкой и идеально уложенной челкой.

—Николай, ваши критики, — начал он, сладко растягивая слова, — говорят, что вы создали секту. Секту успеха под видом православия. Что вы на самом деле — гениальный бизнесмен, который нашёл золотую жилу: продажу надежды отчаянным людям. Что вы скажете?

Я сидел в кресле, в невыносимо ярком свете софитов, и смотрел в чёрный глазок камеры. В нём видел своё отражение: уставшее, напудренное лицо, под глазами — синяки усталости, которые не мог скрыть грим. Я видел этого человека — Николая Ивановича, успешного, бородатого, мудрого. И вдруг, с ясностью, от которой перехватило дыхание, я понял: я его ненавижу. Ненавижу эту маску, эту роль, эту бесконечную ложь.

Ведущий ждал оправданий, гневной отповеди, красивых слов о миссии. Он готовился к словесной дуэли.

А я устал. Просто физически, до костей, устал врать.

Тишина в студии стала звенящей.

—Я скажу... — мой голос прозвучал тихо, но его было слышно в каждом уголке. — Что они... возможно, правы.

В студии повисло ошеломлённое молчание. Ведущий растерялся. Он не ожидал такого.

—То есть... вы согласны, что вы — сектант?

—Нет, — я покачал головой. — Я согласен, что я заблудился. Что начал верить в свою собственную легенду. Что стал больше думать о масштабе, о цифрах, о франшизах, чем о каждом конкретном человеке, который приходит ко мне с болью. Простите.

Эфир закончился скандалом. Ведущий, оправившись, набросился на меня с новыми обвинениями, но я уже почти не слушал. Во мне было странное, пугающее спокойствие. Как у человека, который, наконец, сбросил неподъёмный груз и теперь парит в невесомости, не зная, разобьётся ли при приземлении.

Ночь после эфира. Разговор с призраками.

Я не поехал домой. Я поехал на дачу, ту самую, заброшенную, с шестью сотками, заросшими крапивой. Туда, где когда-то начинался мой путь. Дом был холодным, пахнувшим плесенью и прошлым. Я включил свет, сел за старый кухонный стол и достал из рюкзака ту самую, походную тетрадь. И ещё одну вещь — старый диктофон. На нём были записи с моей реабилитации. Голоса. Мой голос, читающий стихи. И голос моего наставника по программе, Кирилла.

Я нажал play.

Раздался мой собственный голос, десять лет назад, надтреснутый, неуверенный. Я читал стихотворение, написанное в больнице, после срыва.

«Десяток масок на арене под софитом...

Лишь несколько зависимых сидят в кругу.

Смешались мысли, чувства, сердца ритмы –

У всех желание – жлобу согнуть в дугу...»

Я слушал и плакал. Плакал тихо, по-стариковски, без рыданий. Потом была запись лекции Валентины Владимировны, основательницы движения реабилитации в России. Её твёрдый, материнский голос: «Ребята, дверь открыта. Кого не устраивает — до свидания. Но если остаётесь — будьте честными. Хотя бы перед собой. Потому что ложь — это та же водка. Она просто медленнее убивает».

А потом я нашёл самую страшную запись. Не свою. Текст, который нам зачитывал Кирилл. Текст анонимного алкоголика из Австралии, умершего от этой болезни. Я включил. И снова услышал эти слова, от которых тогда, на реабилитации, у нас у всех стыла кровь.

Звуковая дорожка (внутренний монолог Николая под запись):

«Мы умирали от пневмонии в меблированных комнатах, где нас находили через три дня, потому что кто-то жаловался на запах. Мы умирали под мостами, и никто не знал, было ли это самоубийством. Мы и сами не знали, хотя, если вдуматься, это всегда

было самоубийством. Мы умирали в больницах с огромными вздутыми животами, и никто не мог ничего поделать. Мы умирали в камерах, так и не узнав, виновны мы или нет... Мы ходили к священникам. Они давали нам обещания. Они увещевали нас молиться. Они наставляли нас идти и больше не грешить. Но... идти! Мы шли. И мы умирали...»

Голос на записи прерывался. Я помнил, что дальше. Дальше было про врачей, про лекарства, про тщетные попытки. И самый страшный абзац:

«Но знаете, что было хуже всего? Хуже всего было то, что никто понятия не имел о силе наших стараний. Мы старались. Мы пытались. Мы бились. И мы умирали, веря, что мы не понимаем, как надо стараться, и что мы не старались.»

Я выключил диктофон. Тишина дачи стала оглушительной. И в этой тишине ко мне пришло окончательное, бесповоротное понимание.

Я шёл по тому же пути. Пути красивой, благообразной смерти. Я не пил, но я «старался» быть святым, спасителем, успешным. И так же, как те несчастные, я умирал. Умирала моя душа. Умирали мои отношения с семьёй. Умирала искренность. И скоро, очень скоро, от меня останется лишь красивая, громкая, успешная оболочка. Пустышка. И тогда я действительно стану тем, в чём меня обвиняют, — сектантом, торгующим надеждой, которую сам же и похоронил.

Я подошёл к окну. На улице была кромешная тьма. Ни огонька. Только моё отражение в стекле — измученное, постаревшее лицо.

«Всё,— прошептал я своему отражению. — Хватит. Игра окончена».

Это было не эмоциональное решение. Это был приговор, вынесенный самому себе после долгого и беспристрастного следствия. Страх, отчаяние, усталость — всё это вдруг куда-то ушло. Осталась только ледяная, кристальная ясность: дальше так жить нельзя. Ни одного дня.

Я взял телефон (служебный, с золотой кромкой) и, не глядя, швырнул его в камин, где лежали холодные головешки. Он со звоном разбился о кирпич. Символический жест. Бесполезный, но необходимый.

Завтра начнётся ад. Звонки, истерики, встречи, попытки всё исправить, спасти, залатать. Но я уже принял решение. Я ещё не знал, что буду делать. Но я точно знал, чего делать не буду. Не буду больше врать. Не буду надевать маску. Не буду торговать тем, во что сам не верю.

Первая фаза отречения — отречения от лжи — была завершена. Впереди была вторая, куда более страшная: отречение от всего, что составляло мою жизнь последние годы. От власти, денег, славы, системы. От себя самого, каким я стал.

Но в ту ночь, на холодной даче, мне было почти спокойно. Как перед большой операцией, когда анестезия уже начала действовать, и остаётся лишь довериться хирургу. А Хирургом, как я понимал, должен был стать кто-то другой. Не я. Я своё дело сделал. Я подписал себе согласие на операцию.

Глава 4. Семья, которую я снова терял

Дом, шикарная трёхуровневая квартира в престижном районе, превратился в дорогой, бездушный отель. Мы с Татьяной были его постояльцами, живущими в разных номерах-комнатах, чьи маршруты изредка пересекались в нейтральной зоне кухни или коридора. Молча. Без слов. Слова здесь давно стали валютой, которая обесценилась до нуля.

Диалог на кухне в три часа ночи. Я стоял у окна, глотая воду стакан за стаканом, пытаюсь смыть ком в горле — ком тревоги, стыда и непонятной тоски.

—Опять не спишь? — её голос прозвучал сзади тихо, без выражения.

Я вздрогнул. Не слышал, как она вошла.

—Нервы, — коротко бросил я, не оборачиваясь.

—Какие нервы? — она подошла и села напротив за кухонный остров. Её лицо при холодном свете led-ламп казалось высеченным из мрамора. — У тебя теперь есть всё, о чём только можно мечтать. Слава. Деньги. Уважение. Ты — национальный герой для тысяч людей. Чего тебе не хватает, Коля? Чего ещё ты хочешь от этой жизни?

—Тебя, — слово вырвалось само, против моей воли, хриплое и голое. — Тебя. Кати. Максима. Просто... вас.

Она усмехнулась. Горько, безрадостно, так, что мне стало физически больно.

—Поздно. Мы отвыкли. Я отвыкла ждать у окна. Катя отвыкла надеяться, что папа придёт на утренник. Максим... — её голос дрогнул, но она взяла себя в руки, — Максим тебя называет «дедушка с телевизора». Не «дедушка Коля». «Дедушка с телевизора». Потому что видит тебя чаще там, в ящике, чем здесь, вживую.

—Я пытаюсь всё наверстать... Сейчас пройдёт этот виток, кризис, и...

—Ты не пытаешься! — она резко встала, и в её глазах, наконец, блеснули слёзы — слёзы не боли, а давно остывшей обиды. — Ты делаешь выбор! Каждый день, каждую минуту! И выбираешь не нас! Сначала ты выбирал водку. Потом — свою «войну» с миром, свои авантюры. Теперь ты выбираешь свою миссию, свою славу, свою... свою показную святость! Мы всегда были на втором месте, Коля! Всегда! Мы — фон для твоего великого спектакля! Декорации!

Она вышла, не хлопнув дверью, а тихо прикрыв её. Этот тихий щелчок прозвучал громче любого крика. Я остался сидеть за кухонным островом, смотря на свои руки. Эти руки... Они когда-то держали тяжёлую косу, вонзали её в сырую траву. Потом — держали стакан. Потом — карты. А теперь они только подписывали контракты, пожимали руки важным людям и благословляли толпы. Они разучились держать. Разучились держать руку жены. Держать на руках внука. Держать, а не отпускать.

Воспоминание. Знакомство. Север, дискотека, 1988.

Перед глазами поплыли картинки. Не Париж, не Чехов. Харп. Посёлок за полярным кругом. Общежитие, переделанное под клуб «Полярная звезда». Грохочущий магнитофон, дым коромыслом, запах дешёвого одеколona и пота. Мне двадцать, ей — восемнадцать. Я только что пришёл из армии, в увольнительной форме, чувствуя себя покорителем вселенной. Увидел её. Танец. Она танцевала, отстранённо и грациозно, как будто не здесь, а где-то в своих мыслях. Я подошёл. Сказал какую-то глупость. Она посмотрела на меня своими огромными, светло-серыми глазами и... улыбнулась. Не той светской улыбкой, что я вижу теперь. А по-настоящему. Широко, до ушей. И в тот момент я понял — всё. От этой девушки я детей хочу. Только от неё.

Мы гуляли по посёлку под полярным сиянием, которое расцвечивало небо зелёными и синими всполохами. Я, размахивая руками, рассказывал ей о своих планах: стану бизнесменом, миллионером, построю дом, куплю машину, мы уедем отсюда, в большой мир! Она слушала молча, прижимаясь к моему плечу. Потом сказала: «Главное — чтобы мы были вместе. А всё остальное — не важно».

«Главное — чтобы мы были вместе». Где эта девушка? Куда делся тот парень, который готов был ради неё свернуть горы, а не строить империи?

Утро после ссоры. Звонок.

На следующее утро, когда я ворочался в гостевой спальне, пытаюсь собраться с силами для нового дня битв, зазвонил телефон. Катя. Голос был не ледяным. Он был пустым. Выжженным.

—Папа. Максиму нужна операция. Аппендицит. Мы в больнице. Ему страшно.

Мозг, выдрессированный годами, мгновенно выдал расписание: через два часа — разбор последствий вчерашнего эфира с юристами. В три — звонок с разгневанными инвесторами. Вечером — экстренное совещание совета директоров.

—Я... я выезжаю, — автоматически сказал я, уже лихорадочно соображая, что можно перенести, что отменить. — Через пару часов, как только...

—Не надо, — перебила она. Тихо. Спокойно. — Не приезжай. Мы справимся. Ты только переведи деньги на счёт. На частную палату, на лучших врачей. Как всегда.

Она положила трубку. Я сидел на кровати, сжимая в руке безмолвный аппарат, слушая короткие гудки. Потом медленно, как в замедленной съёмке, опустил голову на колени. И зарыдал. Не сдержанно, не тихо. А громко, по-детски, взхлёб. Рыдания выламывались из груди, сотрясая всё тело. Я плакал о внуке, которому страшно. О дочери, которая научилась не надеяться. О жене, которую потерял много лет назад. О себе — о том дураке, который променял сокровище на блестящие фантики и только сейчас, в ту самую секунду, понял, насколько оно было бесценным.

Больница. Приезд.

Я всё-таки приехал. Через шесть часов, сметая все встречи, отменив всё. Я ворвался в больничный коридор, пахнувший антисептиком и страхом. Максим уже был после операции, спал. Катя сидела на стуле рядом с койкой, читала какую-то книжку. Она взглянула на меня, и в её глазах не было ни удивления, ни радости. Была лишь усталость. Бесконечная, вселенская усталость.

—Как он? — спросил я шёпотом.

—Жив, — коротко ответила она, снова опуская глаза в книгу. — Спасибо, что приехал. Всё уже позади. Можешь идти. У тебя же дела.

—Катюша... прости меня. Я...

Она наконец подняла на меня глаза. И я увидел в них не гнев, не обиду. Я увидел то, что страшнее любого гнева. Смиренную, безропотную пустоту.

—Пап, я уже не злюсь. Честно. Я просто... смирилась. Ты — такой. Ты не можешь быть обычным. Обычным отцом, обычным дедом. Ты должен быть звездой. Спасать мир. Нести свет. Ну что ж... — она слабо махнула рукой, — спасай. Неси. Только, пожалуйста... не делай вид, что у тебя есть семья. Это... нечестно. По отношению к нам. И, наверное, даже по отношению к тем, кого ты спасаешь.

Я стоял, как истукан, не в силах вымолвить ни слова. Каждый её слог вбивал меня в землю. Она была права. Абсолютно, на сто процентов права. Я симулировал. Симулировал семейную жизнь для красивой картинки. Симулировал заботу, переводя деньги. Симулировал любовь, изредка появляясь в качестве «особого гостя».

Я вышел из палаты. Шёл по длинному, бесконечному больничному коридору, и с каждым шагом чувствовал, как внутри что-то ломается. Не с треском, а с тихим, печальным хрустом. Окончательно и бесповоротно. Рухнул последний миф — миф о том, что я могу совмещать. Что я могу быть и там, и тут. Что успех в одном искупит провал в другом.

Ломалась не семья. Она уже сломалась. Ломался я сам. Моё представление о себе. И из обломков начинал проступать контур чего-то нового. Не успешного, не знаменитого, не святого. А просто — человека. Сломленного, виноватого, одинокого. Но... настоящего. Впервые за долгие годы — настоящего.

И в этой жуткой, невыносимой боли правды было что-то освобождающее. Как будто я нёс на спине гигантский, раскрашенный в золото бутафорский камень, и вот теперь он наконец рухнул, и я смог распрямить спину. И почувствовать, как она болит. По-настоящему.

Я сел в машину, но не завёл её. Просто сидел, глядя в туманное осеннее небо. И понял, что теперь у меня нет выбора. Отступать некуда. Все мосты сожжены: репутация, партнёры, инвесторы, семья. Остался только я. Тот самый, из барака в

Харпе. Тот, кто начал этот путь с коса и водки. И, кажется, именно ему и предстоит теперь решать, куда идти дальше. Если, конечно, идти куда-то ещё есть смысл.

В кармане пиджака нащупал смятую бумажку. Вытащил. Это было то самое стихотворение, написанное когда-то в реабилитационном центре. «Маски-роли». Я разгладил листок и перечитал последние строчки:

«Софиты гаснут... Нет призов и нет награды,

Актёры, роли, зрители – мираж!

И только души – звенья балюстрады –

В Божественной симфонии вираж!»

Софиты и вправду гасли. Один за другим. Оставалась душа. Избитая, испачканная, но — живая. И впервые за много лет я ощутил её не как обузу, а как единственную точку опоры в рушащемся мире.

Глава 5. Последний вторник. Прорыв

Решившись, я поехал в психбольницу после трёхнедельного перерыва. Не по расписанию, не как важный гость, а как беглец, ищущий укрытия. Дорога казалась знакомой до боли, но на этот раз я вёл машину медленно, почти нехотя, как будто ехал на собственную казнь.

Группа уже собралась в той же убогой, пропахшей лекарствами и отчаянием комнате. Василий сидел, отвернувшись к зарешеченному окну, курил, выпуская дым струйкой в форточку. Остальные — Петрович, бывший учитель; Серёга, с разбитым лицом; молчаливый Степан — сидели с каменными, ничего не выражающими лицами. Моё появление не вызвало ни всплеска, ни интереса. Тишина была тяжёлой, враждебной.

— Ну что, святой отец пожаловал? — хрипло бросил Василий, не оборачиваясь. Голос его был сиплым от сигарет или от слёз. — Освятить нас, грешных? Раздать благодать? Или опять покаяние своё продавать приехал? У нас тут, знаешь ли, свой товар есть — настоящая боль, не подделка.

Я остановился у порога, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Это была не та группа, которую я оставил три недели назад. Это была группа, которая пережила предательство.

—Вася, — начал я, и голос мой прозвучал слабо, жалко. — Прости, что не был. Дела...

—Да кому ты нужен! — резко повернулся он. Его глаза были красными, мутными. От бессонницы, от водки, от слёз — я не мог понять. — Ты думаешь, мы без тебя пропадём? Да мы и с тобой-то пропадаем! Ты приезжаешь, говоришь красивые слова, разыгрываешь спектакль «бывший алкоголик», а потом исчезаешь на недели! Мы для тебя что? Фон? Декорации для твоих проповедей? Ты смотришь на нас сверху вниз! Как на бедных, несчастных, которых надо спасти! А мы... — его голос сорвался, — мы просто люди, Коля! Люди, которые ошибаются! Как и ты! Только мы свои ошибки не упаковываем в золотую обёртку!

Каждое слово било точно в цель. Я хотел возразить, защититься, но не мог. Потому что он был прав. Я действительно смотрел на них свысока. Я использовал их истории, их боль, чтобы строить свою легенду. Я стал тем самым «игроком», который обыгрывает чужие страдания, чтобы выиграть себе славу.

В этот момент встал Степан — самый молчаливый из группы, бывший инженер, спившийся после смерти жены. Он всегда сидел в углу, не участвовал в разговорах, только кивал. Его лицо было серым, как пепел.

—У... у меня дочь... — прошептал он, и голос его прерывался, словно рваная проволока. — Вчера... вчера она повесилась. Двадцать два года ей... Двадцать два...

Он не закончил. Закрыв лицо руками, и его тело затряслось от беззвучных, ужасающих в своей тишине рыданий. Он не кричал. Он как будто выдыхал свою душу через эти конвульсивные всхлипы.

В палате повисла мёртвая тишина. Все смотрели то на Степана, сгорбившегося в кресле, то на меня. В их взглядах не было вопроса. Был приговор.

— Почему... почему ты не был тут? — с надрывом прошептал Василий, и в его голосе теперь была не злоба, а бесконечная усталость. — Он... он три недели ждал тебя. Каждый вторник приходил на группу, хотя уже год не пил. Хотел поговорить. Про дочку. Она с наркотиками связалась, он не знал, как быть. А ты... дела свои делал. Спасал мир.

Я смотрел на Степана, и мир вокруг поплыл. Земля действительно ушла из-под ног. Я вспомнил свой страх успеха, свои списки, свои «контрмеры». Какую чудовищную, циничную пародию на жизнь я устроил! Пока я разглагольствовал о «спасении» с экранов, настоящая трагедия, настоящая, невыносимая боль тихо зрела здесь, в этой палате. И человек, который доверял мне, ждал меня. А я был занят. Ужином с инвесторами. Телеинтервью. Перелётами.

Я не думал. Я просто подошёл. Опустился на колени перед Степаном. Обнял его за плечи, прижал к себе эту трясущуюся, сломанную фигуру. Он не сопротивлялся. Он просто плакал, уткнувшись лицом в моё плечо.

—Прости, Степан... прости... — шептал я, и слёзы текли по моему лицу, смешиваясь с его слезами. — Прости...

Я плакал. Плакал о его дочери, которой я никогда не видел. О своей дочери, которую я потерял. О всех, кого подвёл, кого использовал, кого бросил. Плакал о себе — о том человеке, которым я стал, и о том, которого уже никогда не вернуть.

Потом я поднялся. Голос, который прозвучал, был не моим. Он был тихим, но в нём слышалась какая-то новая, чуждая мне сталь.

—Всё. Хватит.

Я вышел из палаты. Прошёл по длинному, знакомому до тошноты коридору. Вышел на улицу. Осенний лес вокруг больницы горел багрянцем и золотом. Это была та самая красота умирания, которая когда-то поразила меня. Но сейчас я видел в ней не грусть, а освобождение. Чтобы родиться заново, нужно умереть. Полностью.

Я сел на старую, покосившуюся скамейку, достал телефон. Последний раз. Позвонил Оксане.

—Всё. Ухожу. Полностью.

—Что случилось? — её голос мгновенно стал тревожным.

—Я умер, Оксана. Тот Николай, который верил, что можно спасти мир, оставаясь при этом успешным бизнесменом, святой-медиазвезда, — умер. Остался... не знаю кто. Пустое место. Но этому пустому месту нужно начинать сначала. С нуля. С минуса.

—Ты уверен? Ты понимаешь, что это значит?

—Да. Самый большой грешник должен стать монахом. Кажется, я наконец понял, что это значит. Не уйти от мира, чтобы спрятаться. А уйти, чтобы перестать ему вредить. Чтобы перестать вредить себе.

Я положил трубку. Сидел на скамейке до темноты, пока лес не превратился в чёрную, беззвучную массу, а в небе не зажглись первые звёзды. Потом встал и пошёл. Не на совещание. Не домой. В храм. Тот самый, на Фрунзенской набережной. Туда, где двадцать лет назад я отрёкся от Бога. Теперь пришло время отречься от всего остального.

Глава 6. Второе отречение

Храм был почти пуст. Вечерня заканчивалась, несколько старушек у свечного ящика, один монах гасил лампы. Я стоял на том же самом месте, у подсвечника, где два десятилетия назад, пьяный, в рваной куртке, я кричал в пустоту: «Бог! Я от Тебя отрекаюсь! Ты не помог! Дай мне денег, а там посмотрим!»

Тогда это было отречение от веры. Теперь предстояло отречение от всего, во что я превратил свою веру.

Внутренний монолог лился, как кровь из открытой раны:

«Господи, вот и вернулся. Круг замкнулся. Только тогда я отрекался от Тебя ради денег, славы, иллюзии свободы. Сейчас... сейчас я отрекаюсь от денег ради Тебя. От славы. От успеха. От той позолоченной маски святого, которую сам на себя напялил и которую сам же начал принимать за лицо.

Прости. Прости за всё. За то, что использовал Тебя для пиара. За то, что торговал покаянием, как дешёвым товаром. За то, что забыл, Кто на самом деле Спаситель. Я подменял Тебя собой. Я поставил себя на Твоё место в своём маленьком, жалком царстве.

Я раздавал благодать, как директор раздаёт премии. Я прощал грехи, как менеджер закрывает жалобы. Я был не служителем, а директором филиала. И этот филиал теперь банкрот.

Забери всё, Господи. Всё, что не Твоё. А что Твоё — я и так никогда не имел.»

Я упал на колени. Не красиво, не для зрителей. Упал, как подкошенный. Лоб прижался к холодному каменному полу. И заплакал. Не сдерживаясь. Рыдания сотрясали всё тело, эхом отдаваясь под сводами. Я шептал молитвы, которые когда-то знал наизусть, а потом забыл, заменив их красивыми, отрепетированными речами о «миссии» и «великом служении». «Господи, помилуй... Господи, помилуй...» Больше слов не было. Не было сил.

Из темноты придела, из-за колонны, вышла старушка. Или не та? Похожая. Такие же бесконечно усталые, всепонимающие глаза. Она подошла, положила свою сухую, тёплую ладонь мне на голову, как когда-то, двадцать лет назад.

—Дитя моё... — прошептала она тем же голосом, тем же тоном. — Устал нести этот крест?

—Сломался, матушка, — выдохнул я. — Окончательно.

—Крест твой — не твоя слава, не твоё дело. Крест твой — твоё эго, которое ты носишь как корону. Сними её. Отдай Ему. И прими другой крест. Крест молчания. Крест простоты. Самый тяжёлый. Потому что на нём не будет ни зрителей, ни аплодисментов. Только ты и Он.

Она ушла так же тихо, как и появилась. Я остался на коленях. И в этой пустоте, в этой тишине, после долгих лет шума, наконец пришло понимание. Понял всё. Не умом. Всем существом.

На следующий день. Совет директоров. Я вошёл в переговорную не как хозяин, а как проситель. Я видел их лица: Анатолий Петрович — холодный, настороженный; Марина — испуганная; Оксана — печальная, но знающая; остальные — недоуменные.

—Коллеги, — начал я без преамбул. — Я ухожу. Из всего. Сегодня. Передаю все полномочия совету. Единственное и неперемное условие — кабинеты психологической помощи во всех франшизах остаются. И остаются бесплатными. Это не обсуждается.

Поднялся шум. Анатолий Петрович вскочил:

—Ты с ума сошёл?! Ты разрушаешь всё, что мы строили! Ты предаёшь всех, кто в тебя верил!

—Я уже всё разрушил, Анатолий Петрович. Своим тщеславием. Своим лицемерием. Сейчас я просто констатирую факт. Я — слабое звено. И я ухожу, чтобы не порвать всю цепь.

—Это бегство! Трусость!

—Возможно. Но иногда единственная смелость, на которую ты способен, — это признать, что ты трус, и уйти.

Марина плакала, умоляла, говорила о «деле всей жизни». Я смотрел на неё и видел себя пять лет назад — того же фанатика, того же раба идеи. Оксана молчала. Но в её глазах я читал: «Правильно. Дошёл».

С семьёй. Татьяна выслушала моё решение, сидя в нашей стерильной гостиной. Она не плакала.

—Навсегда? — спросила она только.

—Да.

—Молись за нас.

—Буду.

Катя сказала по телефону, её голос был спокойным, почти невесомым:

—Я всегда знала, что ты не наш. Что ты либо всё разрушишь, либо уйдёшь в небо. Как Икар. Иди, пап. Будь счастлив. Где-нибудь. Как-нибудь.

Я продал квартиру, машины, всё, что имело ценность. Большую часть денег перевёл в неприкосновенный фонд «Ярмарки» с одним условием — на бесплатную помощь. Оставил себе немного — на скромную жизнь, на книги, на чай. И уехал на ту самую дачу, с шестью сотками и джунглями крапивы. Туда, где когда-то начинался путь вверх. Теперь это был путь вниз. Или внутрь.

Глава 7. Новая жизнь. Давидова пустынь

Прошло три года. Дача превратилась не просто в убежище, а в неофициальный, стихийный реабилитационный центр. Ко мне потянулись. Не клиенты. Не паломники. А такие же сломленные жизнью, как я. Бывшие алкоголики, наркоманы, люди, потерявшие всё. Мы жили просто: вставали с рассветом, работали на земле — копали

грядки, рубили дрова, строили баню. Молились утром и вечером — просто, без вычурности. Говорили по душам вечерами, у печки. Без пафоса, без «миссии». Без цели «спасти». Просто жили. День за днём. Минута за минутой.

Я научился молчать. Не потому что нечего было сказать. А потому что слова, которыми я привык оперировать, оказались фальшивыми. Нужно было заново учиться языку — языку тишины, языка дел, языка простого присутствия рядом.

Но внутри меня, в этой новой тишине, начало зреть другое решение. Достигнув дна простоты, я понял, что и это — ещё не конец. Жажда отдать себя без остатка, исчезнуть полностью, становилась всё сильнее. Это была не романтика, а холодная, ясная необходимость. Как необходимость сделать последний шаг с обрыва, чтобы полететь.

Диалог с отцом Илией, духовником из Давидовой пустыни, который иногда приезжал к нам, стал поворотным. Мы сидели на брёвнах у костра, пили чай из трав.

—Ты ищешь последнего смирения, — сказал он, не глядя на меня, а наблюдая за пламенем. — Когда от тебя не останется ничего. Ни имени, ни прошлого, ни заслуг, ни даже грехов. Останется только пустота, готовая быть заполненной.

—Боюсь, — признался я. — Боюсь, что не выдержу. Что сбегу. Я же мастер побегов.

—Страх — последняя дверь, — улыбнулся он. — Ты прошёл через столько дверей, Николай. И каждый раз, когда думал, что сломался окончательно, находил силы встать. Потому что не ты находил. Тебе давали. И сейчас дадут. Просто перестань держаться. Отпусти.

Я молчал, глядя на огонь. Давидова пустынь... Я бывал там паломником. Суровая, северная красота. Деревянные храмы, покосившиеся от времени, но стоящие. Колокольня, с которой видно бескрайние леса и реку. И тишина... не как отсутствие звука, а как некое плотное, живое существо. Тишина, в которой слышно биение собственного сердца и шёпот Бога.

—Хочу там остаться, — сказал я тихо, почти не себе.

—Знаю, — кивнул отец Илия. — Ждали тебя.

Решение было принято. Я собрал нашу маленькую «коммуналку», сказал им. Были слёзы, недоумение, но — странное понимание. Василий, который уже год жил со

мной трезвый, работал в огороде, сказал просто: «Иди, препод. А мы тут... как-нибудь. Может, и мы потом подтянемся».

С семьёй попрощался. Татьяна приехала на дачу в последний раз. Мы сидели на крыльце, пили чай из самовара. Молчали. Но это молчание было не враждебным. Оно было... мирным. Как будто долгая война наконец закончилась, и теперь можно просто сидеть рядом, не пытаясь ничего доказать, ничего исправить.

—Спасибо, — сказала она на прощание. — За всё. Даже за боль. Она... сделала нас сильнее. Катя, я, даже ты.

—Прости, — прошептал я.

—Бог простит. И я... стараюсь.

Катя прислала письмо с рисунком Максима: «Дед, я теперь понимаю. Ты не сбежал. Ты пошёл домой. Настоящий дом. Пиши иногда». На рисунке был изображён старый монах (очень похожий на меня) и медведь у избушки. Внизу подпись: «Дедушка и его друг».

И вот я стою у ворот Давидовой пустыни. Снег по пояс, мороз, пронизывающий до костей. Отец-эконом, суровый мужчина с бородой лопатой и руками грузчика, смотрит на меня, оценивающе щурясь.

—Ты — тот самый? Николай? Тот, что по телевизору?

—Был, — отвечаю. — Теперь — просто грешник, просящий приюта и труда.

Он кивает, машет рукой:

—Ладно. Иди. Завтра на послушание — в коровник. Умеешь доить?

—Научусь.

—То-то же. Сложного ничего. Только смирение нужно. И чтоб руки не дрожали.

И я иду. По узкой, протоптанной в снегу тропинке. Мимо деревянных келий, мимо храма, откуда доносится мерное, утробное пение. Домой. В последний и первый дом.

Глава 8. Старец Никон. Служение в тишине

Прошло десять лет. Я — отец Никон. Не старец — просто монах. «Бык» — так здесь называют тех, кто работает с животными. Мой день: в четыре утра подъём, келейное правило, полунощница в храме, затем — работа в хлеву. Чистка стойла, кормление, дойка. Потом — общая трапеза (простая: каша, хлеб, овощи), снова работа, вечерня, повечерие. И так каждый день. Изо дня в день. Год за годом.

Со стороны — скучно, однообразно, бедно. Для души — бесконечно насыщено. Потому что в этой монотонности исчез шум. Исчезла суета. И в тишине, в ритме простых действий, начала прорастать настоящая жизнь. Жизнь духа.

Ко мне приходят. Сначала тайком, украдкой, потом — всё открытее. Узнают, что в Давидовой пустыни живёт тот самый Николай, бывший бизнесмен, создатель «Ярмарки». Приезжают с вопросами, с болью, с поиском. Не за чудом. А за словом. За тишиной. За взглядом, в котором нет осуждения.

Первым приехал Анатолий Петрович. Постаревший, с палочкой, в простом пальто. Он сел на скамейку у монастырской стены, долго молчал, глядя на купола.

—Ну что, Никола... отец Никон, — поправился он. — Живёшь.

—Живём, — киваю я, садясь рядом.

—А я... разорился. — сказал он просто, без эмоций, как констатировал погоду. — Кризис. Дети в долгах. Жена ушла к молодому. Остался один. Вспомнил тебя. Решил... спросить. За что? За что всё это?

—Не за что, — отвечаю. — Просто так бывает. Ветры дуют, деревья гнутся. Одни ломаются. Другие — нет.

—А Бог? — он посмотрел на меня, и в его глазах впервые за все годы знакомства я увидел ребёнка — испуганного, потерянного. — Где Он был, когда всё это рушилось?

—Здесь, — показываю вокруг. — В твоей жене, которая терпела тебя сорок лет, пока ты строил империи и смотрел на графики. В детях, которых ты растил, но не видел. В деньгах, которые Он давал тебе как инструмент, а ты сделал их идолом. Ты просто не замечал. Потому что смотрел на цифры, а не на людей. На прибыль, а не на души.

Он заплакал. Впервые в жизни. Тихо, по-стариковски. Потом сказал: «Спасибо». Уехал. Через месяц прислал открытку: «Устроился сторожем в церковь в Подмоскowie. Маленькая зарплата, зато тихо. Иногда молюсь. По твоим молитвам, наверное».

Потом приехала франчайзи из Воронежа — Людмила. Та самая, которая когда-то открыла одну из первых «Ярмарок» с горящими глазами и через два года прогорела, обвинив во всём меня.

—Батюшка, я... я снова пью, — рыдала она, не в силах поднять головы. — Муж ушёл, дети не разговаривают. Всё потеряла. И виню вас... виню вас до сих пор!

—А что осталось? — спрашиваю.

—Что? Ничего! Одни долги и позор!

—Осталась ты. Твоя душа. Она — не потеряна. Просто заросла тернием обид и страха. Давай вместе прополощем этот огород.

Она прожила в монастыре месяц. Работала в трапезной, мыла полы, молилась, молчала. Уезжала не с решением всех проблем. Но трезвая. И с маленьким, едва теплящимся огоньком внутри. Пишет иногда: «Держусь, батюшка. День за днём. Спасибо, что пустили».

Приезжали и бывшие враги. Тот самый кредитор из Донецка, чей долг я когда-то простил в рамках «духовного жеста», который потом использовал в пиаре. Он приехал с внуком — мальчик лет десяти, бледный, в шапке.

—Помолись, — сказал он просто, без предисловий. — За мальчика. Лейкемия.

Мы молились вместе в храме. Я, он, и этот худенький мальчик. Не за чудо. За силы. За терпение. За принятие. Он уехал. Через полгода пришло письмо: «Ремиссия, батюшка. Не знаю, как и почему. Спасибо». Я знал, что это не моя заслуга. Это была милость. Которая иногда касается даже через таких, как я.

Пришло письмо от Василия. Короткое, на обрывке бумаги: «Женился, препод. На поварихе из столовой. Трезвый пятый год. Родилась дочка. Назвали Оксаной. Спасибо, что когда-то не выгнал, а дал порубить дрова».

Оксана приезжает раз в год. Привозит книги, чай, простые монастырские гостинцы. Сидим, молчим. Иногда она говорит:

—Проект жив, Николай. Кабинеты работают. Анатолий Петрович, как ни странно, следит за этим лично. Ты был прав. Это важно.

—Не я, — отвечаю. — Бог. И те, кто продолжает дело, не ради славы, а тихо.

Самое трудное — встреча с отцом Павлом, моим первым духовником. Он приехал уже глубоким стариком, почти слепым. Мы сидели в моей келье, пили чай с мёдом.

—Ну что, Николай... — говорит он, его рука дрожит. — Дошёл.

—Дошёл, батюшка.

—Помнишь, что я тебе сказал тогда, когда ты только пришёл после запоя? «Исчезни и возродись».

—Помню.

—Ты исчез. Не так, как я думал. Не в подвиге, а в... в коровнике. И возродился. Не таким, как я думал. Лучше. Проще. Настоящее.

Он благословил меня перед смертью. Через месяц его не стало. Я отслужил по нему панихиду. И плакал. Не о нём — он был со Христом. О себе. О том долгом, извилистом пути, который привёл меня сюда, к этой тишине, к этому простому служению в хлеву, где пахнет навозом, сеном и молоком. И этот запах был запахом настоящей жизни. Не придуманной. Не проданной. А данной.

Глава 9. Красота святой обители

Давидова пустынь... Как описать её красоту? Она не бросается в глаза, не кричит яркими красками. Она прорастает в душу постепенно, как влага в корни дерева.

Раннее утро. Туман стелется над рекой, как молочная река. Из храма доносится пение полунощницы — низкое, мужское, пронизывающее до костей. Не красивое, а... верное. Как стон земли. Воздух пахнет хвоей, влажной землёй, дымком из печной трубы и чем-то вечным. Как будто время здесь не бежит вперёд, а медленно вращается по кругу, углубляясь в самую суть.

Зимой — белые-белые сугробы, искрящиеся на солнце миллиардами алмазов. Дымок из печных труб вьётся столбиком в морозном воздухе. Тишина такая полная, что слышно, как падает снег с еловой ветки. И в этой тишине — не одиночество, а наполненность. Как будто сама тишина — это язык, на котором говорит Бог.

Весной — звон капли, первые проталины у стен, запах мокрой коры и талой земли. В монастырском саду расцветают яблони — белоснежные, нежные, как невеста перед

венцом. И ты понимаешь, что воскресение — не метафора. Оно происходит на твоих глазах, из мёрзлой, чёрной земли пробивается зелёный росток жизни.

Летом — зелёное море леса вокруг, пение птиц, тёплый ветер, который шелестит страницами Псалтири, когда читаешь её на крыльце кельи. Работа в огороде, пот, усталость в мышцах — и благодарность за каждый росток, за каждый луч солнца.

Осенью — то самое багряное увядание, которое когда-то поразило меня в лесу у психбольницы. Только здесь оно не грустное. Оно — торжественное. Как прощание, которое ведёт к воскресению. Как и моя жизнь.

И люди... Отец Илия, мой духовник, который видит меня насквозь, но никогда не осуждает, а лишь мягко направляет. Братья-трудники — бывшие бандиты, алкоголики, потерянные души, нашедшие здесь покой и смысл в простом труде. Мы все разные. Но всех объединяет одно — желание отдать свою жизнь Тому, Кто дал её. Не за награду. Не из страха. А из любви. Которая здесь, в этой тишине, наконец-то смогла пробиться через толщу эго, страхов и амбиций.

Работа в хлеву стала для меня не наказанием, а благодатью. Корова — удивительное создание. Спокойное, мудрое, терпеливое. Когда чистишь стойло, чувствуешь запах навоза, сена, парного молока — и это запах жизни. Настоящей, простой, без прикрас. Той самой жизни, которую я так долго искал в блеске огней большого города и не находил.

Иногда, во время дойки, ко мне приходит память. Вспоминаю тот Париж, ту историю с дверью и трусами. И смеюсь. Смеюсь тихо, чтобы коровы не испугались. Какой же я был дурак! И какой счастливый, что Господь позволил мне дожить до момента, когда я могу смеяться над собой. Без горечи. С лёгкостью. С благодарностью.

В этой простоте, в этом ритме, в этой тишине я наконец обрёл то, что безуспешно искал всю жизнь: мир. Не счастье — оно преходяще. А мир. Который «превыше всякого ума». Который не зависит от обстоятельств. Который просто есть. Как есть воздух, как есть небо над головой.

Глава 10. Смысл земной жизни

Однажды ко мне приехал молодой журналист — сын того самого ведущего, который двадцать лет назад громил меня в прямом эфире. Парень умный, глаза горят тем самым огнём, который когда-то горел и во мне — огнём поиска, правды, желания изменить мир.

— Отец Никон, — начал он, доставая диктофон. — Я пишу диссертацию о феномене успеха и духовного поиска в современной России. Вы прошли через всё — банкротство, тюрьму, славу, монашество. Скажите: в чём, по-вашему, смысл земной жизни? Какой итог вы подводите?

Я помолчал, глядя на закат, который заливал монастырскую стену багрянцем и золотом. Раньше я бы выдал красивый, заученный ответ. Теперь я искал слова простые, как хлеб.

— В подготовке, — сказал наконец.

— К чему? — удивился он.

— К встрече, — повернулся я к нему. — Вся наша жизнь — школа. Неудачная, странная, порой жестокая, но школа. Каждая боль — урок. Каждая радость — награда за усвоенный урок. Каждое падение — экзамен. А главный экзамен — смерть. Она — не конец. Она — выпускной. После которого мы идём домой. К Отцу.

— Но зачем столько страданий? — спросил он, и в его глазах была искренняя боль. — Зачем болезни, потери, предательства, войны? Разве нельзя было создать школу попроще?

— А ты видел, как кузнец закаляет сталь? — спросил я. — Бьёт молотом, раскаляет в огне, окунает в ледяную воду. Больно? Да. Но только так железо становится сталью. Только так наша душа, наше сердце становится способным вместить вечность. Вместить любовь. Простую, безусловную любовь. Которая не ищет своего. А мы, люди, такие хрупкие, такие эгоистичные... Нам нужна закалка. Иначе мы сломаемся от первого же дуновения настоящей, божественной реальности.

Он записывал. Потом спросил:

— А ваша «Ярмарка»... вы считаете её ошибкой? Пустой тратой времени?

— Нет, — покачал я головой. — Она была уроком. Очень важным. Я думал, что служу людям, а на самом деле учился смирению. Учился тому, что без Бога — я ничто. Что любое дело, даже самое благое, превращается в идола, если ставить его выше Творца. «Ярмарка» была моим Парижем. Моей дверью, которую я не мог открыть,

потому что пытался сделать это своими силами, своим умом, своей хитростью. Она привела меня сюда. В эту тишину. За это я благодарен.

—Вы счастливы сейчас?

Я улыбнулся. По-настоящему.

—Счастлив? Не знаю. Счастье — земное, временное понятие. Я... в мире. В том мире, который «превыше всякого ума». Он не похож на счастье. Он — глубже. Тихее. Прочнее. Это как быть дома после долгой, изматывающей дороги. Ты не прыгаешь от радости. Ты просто садишься у огня, закрываешь глаза и дышишь. И понимаешь: всё. Дошёл.

Он уехал. А я остался сидеть на скамейке, смотреть, как зажигаются первые звёзды. И думал о том, что жизнь — удивительная штука. Как река: начинается ручейком в горах детства, потом становится бурным, стремительным потоком юности и молодости, разливается в море страстей, амбиций, ошибок зрелости, а потом... потом впадает в океан вечности. Тихий, спокойный, бесконечный.

Моя река почти дошла до океана. Осталось немного. Прожить каждый день как подарок. Помогать тем, кто приходит. Молиться за всех, кого любил и кого не сумел полюбить. И готовиться к встрече.

Последняя запись в дневнике отца Никона:

«Господи, благодарю Тебя за всё. За каждую ошибку — она научила смирению. За каждую боль — она сделала сердце чутким. За каждую радость — она напомнила о Твоей любви.

Благодарю за семью, которую потерял и с которой надеюсь встретиться в вечности. За друзей, которые предали — они показали, что надежда только на Тебя. За врагов, которые простили — они стали учителями милосердия.

Благодарю за водку, которая опустила на дно, — иначе не узнал бы, что есть дно. За успех, который вскружил голову, — иначе не понял бы тщету славы. За монастырь, который принял, — здесь научился просто быть.

Самый большой грешник стал... не праведником. Учеником. Учеником, который до конца дней будет учиться любить. Просто любить. Без условий. Без ожиданий. Как Ты любишь нас.

И когда придёт время, прими меня, Господи. Не как успешного бизнесмена. Не как знаменитого проповедника. Как блудного сына, который долго блуждал, но всё-таки нашёл дорогу домой.

Домой к Тебе.

Аминь.»

Эпилог

Отец Никон (в миру Николай) отошёл ко Господу тихо, во сне, на 78-м году жизни, в своей келье в Давидовой пустыни. Похоронен на монастырском кладбище. На могиле — простой деревянный крест из лиственницы. И надпись, выжженная неровными буквами: «Здесь лежит грешник, который научился любить».

На похороны приехали: Татьяна (жена), Катя (дочь) с мужем и взрослым уже Максимом, Оксана, несколько бывших подопечных из «коммуналки», включая Василия (трезвого уже 15 лет). Анатолий Петрович прислал телеграмму: «Царствие Небесное. Спасибо за науку. Я тоже учусь.»

А через год Максим, внук, крестил своего первого ребёнка в том самом храме на Фрунзенской набережной, где его дед когда-то отрёкся от Бога. И назвал мальчика Николаем.

Круг замкнулся. Но не закончился.

Потому что вечность только начинается.